ВИКТОР ГОЛЯВКИН

МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» МОСКВА 1967

Р2
Г63

Эта кни́жка о ма́льчике Пе́те, его́ бра́те Бо́бе и их друзья́х, кото́рые живу́т в замеча́тельном ю́жном го́роде Баку́.

Пе́тя и Бо́ба, как мно́гие ма́льчики и де́вочки, о́чень лю́бят своего́ па́пу. Но вот над страно́й разрази́лась война́; па́па ухо́дит на фронт. Для бра́тьев начина́ется но́вая трево́жная жизнь.

Рисунки автора

7-6-2

Обложка Б. Кыштымова

Моему отцу посвящается

1

Я НЕ ХОЧУ ОБЕДАТЬ

Я никогда́ не хочу́ обе́дать. Мне так хорошо́ во дворе́ игра́ть! Я всю жизнь бы во дворе́ игра́л. И никогда́ не обе́дал бы. Я совсе́м не люблю́ борщ с капу́стой. И вообще́ я суп не люблю́. И ка́шу я не люблю́. И котле́ты я то́же не о́чень люблю́. Я люблю́ абрико́сы. Вы е́ли абрико́сы? Я так люблю́ абрико́сы! Но вот ма́ма зовёт меня́ есть борщ, мне прихо́дится всё броса́ть: недостро́енный дом из песка́ и Раи́са, Раси́ма, Рами́са, Рафи́са — мои́х друзе́й, бра́тьев Изма́йловых. Мой брат Бо́ба лю́бит борщ. Он смеётся, когда́ ест

борщ, а я мо́рщусь. Он вообще́ всегда́ смеётся и ты́чет себе́ ло́жкой в нос вме́сто рта, потому́ что ему́ три го́да. Нет, борщ всё-таки я могу́ съесть. И котле́ты я то́же съеда́ю. Виногра́д-то я ем с удово́льствием! Тогда́ и сажа́ют меня́ за роя́ль. Пожа́луй, я съел бы ещё раз борщ. То́лько бы не игра́ть на роя́ле.

— Ах, Клеме́нти, Клеме́нти! — говори́т ма́ма.— Сча́стье игра́ть Клеме́нти!

— Клеме́нти, Клеме́нти! — говори́т па́па.— Прекра́сная сонати́на Клеме́нти! Я в де́тстве игра́л сонати́ну Клеме́нти.

Па́па мой — музыка́нт. Он да́же сам сочиня́ет му́зыку. Зато́ ра́ньше он был вое́нный. Он был команди́ром ко́нников. Он скака́л на коне́ совсе́м ря́дом с Чапа́евым. Он носи́л папа́ху со звездо́й. Я ви́дел па́пину ша́шку. Она́ здесь, у нас в сундуке́. Эта ша́шка така́я огро́мная! И така́я тяжёлая! Её да́же тру́дно в рука́х держа́ть, не то что маха́ть во все сто́роны. Эх, был бы па́па вое́нный! Весь в ремня́х. Кобура́ на боку́. На друго́м боку́ ша́шка. Звезда́ на фура́жке. Па́па е́здил бы на коне́. А я шёл бы с ним ря́дом. Все мне бы зави́довали! Вон смотри́те, како́й Пе́тин па́па.

Но па́па лю́бит Клеме́нти.

А я не люблю́. Я люблю́ стро́ить дом из песка́ и друзе́й люблю́, четырёх бра́тьев: Раси́ма, Рафи́са, Раи́са, Рами́са. Что мне Клеме́нти!

Я игра́ю. И спра́шиваю:

— Не хва́тит?

— Игра́й ещё,— говори́т ма́ма.

— Игра́й, игра́й,— говори́т па́па.

Я игра́ю, а брат сиди́т на полу́ и смеётся. В рука́х у него́ заводна́я маши́на. Он оторва́л от маши́ны колёса. И ката́ет их по́ полу. И э́то ему́ о́чень нра́вится. Никто́ ему́ не меша́ет. Не заставля́ет игра́ть на роя́ле. И потому́ ему́ о́чень ве́село. Пла́чет он о́чень ре́дко.

Когда́ у него́ что́-нибудь отнима́ют. Или когда́ его́ стригу́т. Он соверше́нно не лю́бит стри́чься. Он так и ходи́л бы всю жизнь лохма́тый. На э́то он не обраща́ет внима́ния. В о́бщем, ему́ хорошо́, а мне пло́хо.

Па́па с ма́мой слу́шают, как я игра́ю. Брат ката́ет по́ полу колёсики. За окно́м крича́т четы́ре бра́та. Они́ крича́т ра́зными голоса́ми. Я ви́жу в окно́: они́ ма́шут рука́ми. Они́ зову́т меня́. Им одни́м ску́чно.

— Ну, всё,— говорю́ я,— всё сыгра́л.

— Ещё ра́зик,— про́сит па́па.

— Бо́льше не бу́ду,— говорю́ я.

— Ну пожа́луйста,— говори́т ма́ма.

— Не бу́ду,— говорю́ я,— не бу́ду!

— Ты смотри́ мне! — говори́т па́па.

Я про́бую встать. Убира́ю но́ты.

— Я сотру́ тебя́ в порошо́к! — кричи́т па́па.

— Не на́до так,— говори́т ма́ма.

Па́па волну́ется:

— Я учи́лся... я игра́л в день по пять-шесть часо́в, сра́зу по́сле граждан ской войны́. Я труди́лся! А он?.. Я его́ в порошо́к сотру́!

Но я́-то знал! Он меня́ не сотрёт в порошо́к. Он так всегда́ говори́т, когда́ зли́тся. Он да́же ма́ме так говори́т. Как мо́жет он нас в порошо́к стере́ть? Тем бо́лее, что он наш па́па.

— Не бу́ду игра́ть,— говорю́ я,— и всё!

— Посмо́трим,— говори́т па́па.

— Пожа́луйста,— говорю́ я.

— Посмо́трим,— говори́т па́па.

В тре́тий раз я игра́ю Клеме́нти.

Наконе́ц-то меня́ отпуска́ют! Мой брат Бо́ба идёт за мной. Он растеря́л все колёсики. И ему́ тепе́рь ску́чно.

На дворе́ меня́ ждут четы́ре бра́та. Они́ ма́шут рука́ми, крича́т. Мой дом из песка́ разру́шен. Весь труд

мой пропа́л да́ром. И всё из-за борща́ и Клеме́нти! Дом разру́шил Рафи́с — мла́дший брат. Он пла́чет — бра́тья его́ поби́ли. Не́чего де́лать! И я говорю́:

— Ничего́. Но́вый дом постро́им.

Я веду́ всех в магази́н к дя́де Го́ше. Дя́дя Го́ша — па́пин знако́мый. Он нам всё отпуска́ет в долг. Он запи́сывает на листке́ наш долг, а пото́м па́па пла́тит ему́. Так хорошо́! Па́па так и сказа́л: отпуска́й им всё. Что они́ захотя́т. Ско́лько им уго́дно.

Вот прихо́дим мы в магази́н. Дя́дя Го́ша нам отпуска́ет конфе́ты. Мы мо́жем есть их, ско́лько хоти́м. Пото́м па́па за всё запла́тит.

Раи́с говори́т:

— Я уже́ всё съел.

Мы опя́ть идём к дя́де Го́ше. И набира́ем ещё конфе́т. Он говори́т:

— Не мно́го ли? Приходи́те ещё.

— Непреме́нно придём,— говори́м мы.

Во дворе́ нас окружа́ют ребя́та. Мы раздаём всем конфе́ты. Нам не хвата́ет на всех конфе́т. Наприме́р, Керим без конфе́т. Ма́ша Ни́конова и Сашо́к.

Мы опя́ть идём к дя́де Го́ше.

— Пожа́луйста,— про́сим мы,— извини́те. Но нам тут не хвати́ло конфе́т. Что же де́лать? Мы о́чень расстро́ены. Нам ну́жно ещё чуть-чу́ть конфе́т. Что́бы всем хвати́ло.

— Заче́м чуть-чу́ть! — говори́т дя́дя Го́ша.— Бери́те! И приходи́те ещё.

Он даёт нам конфе́т, и все дово́льны. Тепе́рь всем ребя́там хвати́ло конфе́т.

На у́лице ста́ло уже́ темне́ть. Фонари́ зажгли́сь. Ско́ро не́бо всё бу́дет в звёздах. Тако́е в на́шем го́роде не́бо. Наш го́род са́мый краси́вый. Хотя́ я не́ был в други́х города́х. В на́шем го́роде есть бульва́р. Там мо́ре, корабли́ и ло́дки. И ви́ден о́стров вдали́. И неф-

тяны́е вы́шки в мо́ре. Я пошёл бы сейча́с на бульва́р, но вы слы́шите? Ма́ма зовёт нас на у́жин.

И я иду́ у́жинать. Так це́лый день. Це́лый день до́лжен я есть!

Я съел у́жин, но э́то не всё. Меня́ сно́ва веду́т к роя́лю. Па́пы нет до́ма, и я говорю́:

— С меня́ хва́тит.

— Вот отсю́да начни́,— про́сит ма́ма,— вот с э́той стро́чки.

— Хва́тит с меня́,— говорю́ я,— и всё!

— Бу́дем ждать па́пу,— говори́т ма́ма.

Прихо́дит па́па. Он ве́сел. Он де́ржит два больши́х я́щика. В э́тих я́щиках мандари́ны.

— В ию́не и вдруг мандари́ны?!

— С трудо́м доста́л,— говори́т па́па. Он открыва́ет я́щики.

— А ну! Налета́йте! Ребя́тки! Хвата́йте!

Мы налета́ем, хвата́ем, смеёмся. Па́па смеётся вме́сте с на́ми. Ест мандари́ны. И говори́т:

— Позови́те всех.

Я зову́ бра́тьев Раи́са, Рафи́са, Раси́ма, Рами́са. И мы угоща́ем их мандари́нами. И я́щики бы́стро пусте́ют.

Пото́м бра́тья ухо́дят. И ма́ма уно́сит пусты́е я́щики. И говори́т па́пе:

— Как с деньга́ми? Суме́ем ли мы всё же съе́здить на да́чу? Хоте́лось бы. Ле́то уже́ прохо́дит.

Я ви́жу, па́па заду́мался. Он говори́т:

— Мо́жет, мы суме́ем. Но, мо́жет быть, и не суме́ем. Но е́сли мы да́же и не пое́дем, то не беда́ — жизнь и так прекра́сна!

Но я́-то зна́ю. На да́че прекра́сней. Там нет роя́ля. Там грана́ты, айва́, виногра́д, инжи́р... Там мо́ре без конца́ и кра́я. Я так люблю́ купа́ться в мо́ре! Я так хочу́ на да́чу! Там ря́дом ста́нция. Там гудя́т парово́зы.

Там прохо́дят ра́зные поезда́. А когда́ ма́шешь им вслед — тебе́ то́же ма́шут из о́кон вагóнов. И ещё там горя́чий песо́к, у́тки, ку́рицы, ме́льницы, о́слики...

Пото́м я засыпа́ю на сту́ле.

Сквозь сон слы́шу я голоса́, всё про да́чу, про мо́ре, про ле́то...

А у́тром я просыпа́юсь в крова́ти.

2

СОСЕДИ

Фатьма́ Хану́м — э́то тётя Фатьма́, ма́ма бра́тьев Рами́са, Рафи́са, Раси́ма, Раи́са. Как ви́дит меня́, ка́ждый раз говори́т: «Ах, Пе́тька, Пе́тька, совсе́м большо́й!» Она́ по́мнит, когда́ я был ма́ленький. И тепе́рь удивля́ется, что я большо́й. Ра́зве мо́жно так удивля́ться! Я ведь рос постепе́нно. Вот и сейча́с, вы́шел я в коридо́р, а она́ говори́т:

— Очень бы́стро растёшь!

— Все расту́т одина́ково,— говорю́ я.

— Расти́, расти́,— говори́т она́.

— Вас ма́ма ждёт,— совра́л я.

Ма́ма лю́бит бесе́довать с Фатьмо́й Хану́м. А Фатьма́ Хану́м — с мое́й ма́мой. Они́ мо́гут часа́ми бесе́довать.

— Тётя Фатьма́, пойдёмте к нам!

Б кото́рый раз ма́ма расска́зывает! О том, как я потеря́лся. Они́ смею́тся. Но я не смею́сь. Что мне смея́ться. Я э́то мно́го раз слы́шал. Раз сто и́ли две́сти. Очень стра́нные взро́слые лю́ди! Расска́зывают одно́ и то же. Ра́зве со мной так быва́ет? Ка́ждый день у меня́ ку́ча новосте́й. Что мне вспомина́ть что́-то ста́рое? Когда́ круго́м одни́ но́вости!

Я слы́шу их разгово́р.

М а́ м а. По́мню, он у меня́ роди́лся, у него́ глаза́ бы́ли си́ние. А пото́м они́ ста́ли совсе́м не си́ние. Каки́е-то се́рые. Так оби́дно. Вот ведь как быва́ет!

Ф а т ь м а́ Х а н у́ м. Бы́стро растёт...

М а́ м а. Да, да, да, вот я и говорю́... А когда́ он был ма́леньким, он был ма́леньким — вот таки́м... он тогда́ отпра́вился гуля́ть, он откры́л сам дверь, вы́шел на у́лицу, он прошёл тогда́ весь го́род, вот так наиско́сок весь го́род, и останови́лся в сквери́ке; как сейча́с по́мню, была́ суббо́та, игра́л орке́стр, и под орке́стр пляса́ли взро́слые. Ему́ э́то так понра́вилось! Он стал вме́сте со все́ми пляса́ть, его́ так и нашли́ в тако́м ви́де — вот так ру́ки в бо́ки и пля́шет!

Ф а т ь м а́ Х а н у́ м. Очень весёлый ребёнок!

М а́ м а. Го́ре мне с ним.

Ф а т ь м а́ Х а н у́ м. У меня́ четы́ре.

М а́ м а. Я и забы́ла!

Они́ смею́тся. Но я не смею́сь. Ничего́ нет смешно́го.

Тётя Фатьма́ говори́т мне:

— А ну расскажи́, как ты там танцева́л?

— Я ма́ленький был,— говорю́,— и не по́мню.

— Очень бы́стро растёшь,— говори́т она́.

— Сыгра́й-ка Клеме́нти,— про́сит ма́ма.

Но я не хочу́ игра́ть Клеме́нти.

— Твой па́па учи́лся,— говори́т ма́ма.— Сра́зу по́сле граждáнской войны́... Он игра́л по семь-во́семь часо́в...

— Это я зна́ю,— говорю́ я.

— Ну хорошо́,— говори́т ма́ма,— ну хорошо́, тогда́ спой Фатьме́ пе́сню.

Ма́ма игра́ет, а я пою́:

Со́лнышко я́сное,
На́ша жизнь прекра́сная!

Я пою́ с удово́льствием. Я ору́.

— Подожди́, подожди́! — кричи́т ма́ма.— Снача́ла начнём, три... четы́ре!

Со́лнышко я́сное,
На́ша жизнь прекра́сная!

Я пою́ во всё го́рло.

— Нельзя́ ли пóтише? — про́сит ма́ма.— Я да́же не слы́шу роя́ля.

— Коне́чно, мо́жно,— говорю́ я,— но тогда́ како́й смысл?

— Снача́ла, снача́ла! — кричи́т ма́ма.— Нас ждёт Фатьма́!

Хорошо́, что в дверь постуча́ли. Это стари́к Ли́верпуль. Я сра́зу узна́л. То́лько он так стучи́тся. Он, когда́ пья́ный, стучи́т ти́хо-ти́хо. Почти́ неслы́шно.

Он кру́тит перед лицо́м рука́ми. Как бу́дто де́лает ме́льницу.

— А где Воло́дя? — говори́т он.

— Он не пришёл ещё,— говори́т ма́ма.

— Он мне стра́шно ну́жен...

— Но его́ нет.

— Я хоте́л угости́ть его́...

— Вы же зна́ете, что он не пьёт.

— Я зна́ю, но вдруг... он ведь мой сосе́д... он мне стра́шно ну́жен...

— Ли́верпуль, Ли́верпуль,— вздыха́ет ма́ма.

— Здра́сте! — говори́т он Фатьме́ Хану́м.

— Здра́вствуйте,— говорю́ я.

— Здра́вствуй, стари́к,— говори́т он мне.

— Я не стари́к,— обижа́юсь я.

— Это нева́жно,— говори́т он.

— Как же нева́жно? — говорю́ я.

— Извини́те,— говори́т он.

— Пожа́луйста,— говори́т ма́ма.

— Я до́лжен вам де́нег,— говори́т он,— не могли́ бы вы мне одолжи́ть ещё?

Ма́ма ему́ даёт бума́жку.

— Я вам верну́,— говори́т Ли́верпуль.

— Коне́чно, коне́чно,— говори́т ма́ма.

И стари́к Ли́верпуль ухо́дит.

У Ли́верпуля тонюсенький де́тский го́лос, боро́дка крючко́м и лы́сая голова́. Это ма́ма прозвала́ его́ Ли́верпулем, хотя́ он име́л друго́е и́мя. Он, ка́жется, был из Пе́ру, каки́м-то слу́чаем попа́л в Росси́ю и навсегда́ оста́лся здесь жить.

На́до же! Попа́л к нам сюда́ из са́мой Южной Аме́рики!

Не люблю́ я, когда́ он пья́ный. Он тогда́ ма́шет рука́ми, кача́ется. Сло́вно вот-во́т упадёт. Старико́м вдруг назва́л меня́. Вот ещё но́вость!

Ма́ма бесе́дует с Фатьмо́й Хану́м. Я смотрю́ в окно́. Ви́жу бра́та. Он стро́ит дом из песка́.

— Что ты торчи́шь тут? — говори́т ма́ма.

— Так, ничего́,— отвеча́ю я.

Я жду па́пу. Вот сейча́с вы́йдет он из-за угла́. У не-

го́ по́лные ру́ки гости́нцев. Чего́ то́лько нет там! И манда́ри́ны, больши́е ора́нжевые манда́ри́ны!

А па́пы всё не́ту. Всегда́ так. Всегда́ его́ не́ту, когда́ я его́ жду. Но сто́ит мне отойти́ от окна́ — он появится.

3

НА БАЛКОНЕ

Я иду́ на балко́н. Ви́жу де́вочку с ба́нтом. Она́ живёт вон в том пара́дном. Ей мо́жно сви́стнуть. Она́ гля́нет вверх. И уви́дит меня́. Это мне и ну́жно. «Приве́т,— скажу́ я,— тра-ля-ля́, три-ли-ли́!» Она́ ска́жет: «Дура́к!» — и́ли что́-то друго́е. И да́льше пойдёт. Как ни в чём не быва́ло. Как бу́дто бы я не дразни́л её. То́же мне! Что мне бант! Бу́дто я её жду! Я жду па́пу. Он мне принесёт гости́нцев. Он бу́дет расска́зывать мне про войну́. И про ра́зное ста́рое вре́мя. Па́па зна́ет сто́лько исто́рий! Никто́ лу́чше не мо́жет расска́зывать. Я всё слу́шал и слу́шал бы!

Па́па зна́ет про всё на све́те. Но иногда́ он не хо́чет расска́зывать. Он тогда́ гру́стный и всё говори́т: «Нет, не то написа́л я, не то, не ту му́зыку... Но ты́-то! — Это он мне говори́т.— Ты́-то уж не подведёшь, я наде́юсь?» Мне не хо́чется па́пу оби́деть. Он мечта́ет, чтоб я компози́тором стал. Я молчу́. Что мне му́зыка? Он понима́ет. «Это печа́льно,— говори́т он.— Ты да́же предста́вить себе́ не мо́жешь, как э́то печа́льно!» Почему́ э́то печа́льно, когда́ мне совсе́м не печа́льно? Ведь па́па мне не жела́ет плохо́го. Тогда́ почему́ так? «Кем ты бу́дешь?» — говори́т он. «Полково́дцем»,— говорю́ я. «Опя́ть война́?» Па́па мой недово́лен. А сам воева́л. Сам скака́л на коне́, стреля́л из пулемёта.

Па́па мой о́чень до́брый. Мы с бра́том одна́жды сказа́ли па́пе: «Купи́ нам моро́женое. Но побо́льше. Что́бы мы нае́лись».— «Вот тебе́ таз,— сказа́л па́па,— беги́ за моро́женым». Ма́ма сказа́ла: «Они́ ведь просту́дятся!» — «Сейча́с ле́то,— отве́тил па́па,— с чего́ бы им простуди́ться!» — «Но го́рло, го́рло!» — сказа́ла ма́ма. Па́па сказа́л: «У всех го́рло. Одна́ко моро́женое все едя́т».— «Но не в тако́м коли́честве!» — сказа́ла ма́ма. «Пусть едя́т, ско́лько хотя́т. При чём тут коли́чество! Бо́льше они́ не съедя́т, чем смо́гут!» Так сказа́л па́па. И мы взя́ли таз и пошли́ за моро́женым. И принесли́ це́лый таз. Мы поста́вили таз на стол. Из о́кон свети́ло со́лнце. Моро́женое ста́ло та́ять. Па́па сказа́л: «Вот что зна́чит ле́то!» — веле́л нам взять ло́жки и сесть за стол. Мы все се́ли за стол — я, па́па, ма́ма, Бо́ба. Мы с Бо́бой бы́ли в восто́рге! Моро́женое течёт по лицу́, по руба́хам. У нас тако́й до́брый па́па! Он сто́лько купи́л нам моро́женого! Что тепе́рь нам не ско́ро заха́чется...

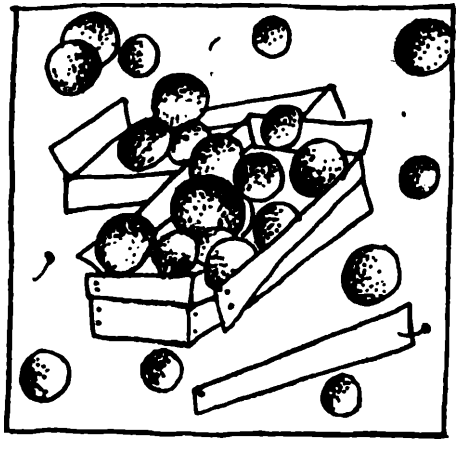
Два́дцать дере́вьев посади́л па́па на на́шей у́лице.

Сейча́с они́ вы́росли. Огро́мное де́рево перед балко́ном. Если я потяну́сь, я доста́ну ве́тку.

Я жду па́пу. Сейча́с он поя́вится. Мне тру́дно гляде́ть сквозь ве́тки. Они́ закрыва́ют у́лицу. Но я нагиба́юсь и ви́жу всю у́лицу.

4

МОЙ ПАПА ИДЁТ ДИРИЖИРОВАТЬ



Я слы́шу в ко́мнате па́пин го́лос. Он до́ма, а я всё торчу́ на балко́не!

А на столе́-то! Пече́нье, конфе́ты, две ба́нки варе́нья, два то́рта, две ба́нки компо́та, замеча́тельная люби́тельская колбаса́, ветчина́ и я́блоки, ещё две каки́е-то коро́бки и други́е вку́сные ве́щи. Про́сто це́лый магази́н!

— Вот так да! — говорю́.— Как ты здесь очути́лся?

— Отста́нь от отца́,— говори́т мне ма́ма,— он сего́дня идёт дирижи́ровать...

Я ви́дел одна́жды, как он дирижи́ровал. Па́па тогда́ взял меня́ с собо́й. Я сиде́л в большу́щем за́ле. Все гляде́ли на сце́ну. Там на сце́не был па́па. Он стоя́л спино́й к за́лу, лицо́м к оркестру. И круго́м бы́ло ти́хо-ти́хо. Пото́м па́па взмахну́л вверх рука́ми — и весь оркестр как гря́нет! Я да́же вздро́гнул. Я гляде́л на лю́стры, на всех люде́й. Я верте́л голово́й и всё вре́мя вставал. «Что ты ска́чешь?» — сказа́ли мне. «Я не скачу́»,— сказа́л я. Меня́ вы́вели си́лой из за́ла. «Я с па́пой,— сказа́л я,— он там дирижи́рует». — «А ты не врёшь?» — «Что мне врать,— сказа́л я,— там мой па́па». Меня́ привели́ пря́мо к па́пе. Спроси́ли: «Ваш сын?» Мой па́па был мо́крый от по́та. И во́лосы па́пины бы́ли мо́крые. Я смотре́л на него́ и не мог поня́ть: почему́ па́па мо́крый? Па́па снял пиджа́к. Вся руба́шка была́ то́же мо́крой. Как бу́дто его́ водо́й о́блили. Он сказа́л: «Вот кака́я рабо́та...» Я был так удивлён, что не знал, что отве́тить. Всё вре́мя тверди́л: «Пошли́... пошли́...» — и тяну́л па́пу за́ руку...

Гро́мко пла́чет сейча́с мой брат Бо́ба. Он хо́чет, чтоб па́па его́ взял с собо́й. Но па́па его́ брать не хо́чет. Па́па уже́ брал меня́. С него́ хва́тит.

П а́ п а. Я сего́дня иду́ дирижи́ровать!

М а́ м а. Да, но э́ти запла́тки...

П а́ п а. Каки́е запла́тки?

М а́ м а. Ты забы́л? Твои́ брю́ки с запла́тками.

П а́ п а. Я ведь стою́ спино́й к лю́дям!

М а́ м а. Я ни при чём. Ты прекра́сно зна́ешь! Поме́шанный на свои́х мандари́нах! Всю зи́му таска́л э́ти я́щики! Лю́ди ду́мают, ты сумасше́дший!

П а́ п а. Кто ду́мает? Ты мне его́ покажи́!

М а́ м а. Все ду́мают! Ра́зве одни́ мандари́ны? Заче́м два приёмника? Два патефо́на?

П а́ п а. Но их же дво́е? Пусть слу́шают му́зыку...

М а́ м а. Очень им нужна́ твоя́ му́зыка!

П а́ п а. Всем нужна́ му́зыка.

М а́ м а. Но не в тако́м коли́честве!

П а́ п а. Я ведь спешу́... я сего́дня иду́ дирижи́ровать...

М а́ м а. Ну так иди́ дирижи́руй!

П а́ п а. Выхо́дит, что я не могу́ дирижи́ровать!

М а́ м а. Хоть раз в жи́зни купи́л бы кастрю́льку!

П а́ п а. Заче́м мне кастрю́лька? Сама́ покупа́й!

М а́ м а. А, зна́чит, я винова́та?.. С мои́м больны́м се́рдцем... с таки́м челове́ком... как мо́жно!.. Дай, Пе́тя, воды́...

Я бегу́ за водо́й на ку́хню. Даю́ ма́ме пить. Ей стано́вится лу́чше.

М а́ м а. Пусть все сосе́ди ска́жут!

П а́ п а. Я ведь иду́ дирижи́ровать...

М а́ м а. Пусть все сосе́ди ска́жут!

П а́ п а. Что ска́жут?

М а́ м а. Пусть они́ ска́жут!

Па́па вздыха́ет. Он говори́т:

— Придётся штаны́ одолжи́ть у сосе́дей.

М а́ м а. Кто одолжи́т тебе́ свои́ штаны́?

П а́ п а. Ко мне все прекра́сно отно́сятся. Все, абсолю́тно все! Наприме́р, Ли́верпуль... Нет, лу́чше я пойду́ к Али́, он ко мне непло́хо отно́сится...

Ма́ма мне говори́т:

— Пе́тя, слы́шишь? Вот твой папа́ша! Не будь таки́м! Будь толко́вым. А то, вот то́чно так же, пойдёшь в запла́тках... куда́-нибудь там... дирижи́ровать...

Я говорю́:

— Я никуда́ не пойду́ дирижи́ровать.

— Ещё неизве́стно,— говори́т ма́ма.

Па́па мой говори́т:

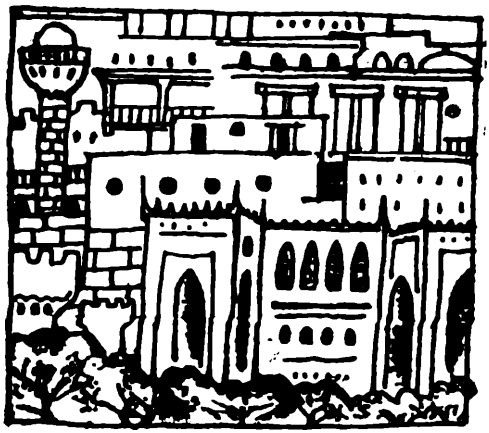
— Пойдём, Пе́тя, со мной за штана́ми.

Мы идём с па́пой к дя́де Али́. Дя́дя Али́ — э́то па́па Изма́йлов. Он то́лько что пришёл с рабо́ты. Я ви́дел

его́ с балко́на. Он да́же мне улыбну́лся. Коне́чно, он па́пе даст штаны́. И па́па пойдёт дирижи́ровать. Мне то́же ну́жно к дя́де Али́. Он обеща́л меня́ взять с собо́й, показа́ть мне вы́шки, как бурят нефть и фонта́н нефтяно́й. Хотя́, пра́вда, фонта́н — э́то ре́дкость. Но, кто зна́ет, мо́жет быть, мне повезёт.

5

ПАПА ТАМ, А МЫ ЗДЕСЬ



Я, ма́ма, Бо́ба, стари́к Ли́верпуль, дя́дя Али́, Фатьма́ Хану́м, Рафи́с, Раси́м, Раи́с, Рами́с — все сиди́м у приёмника. Сейча́с па́пу объя́вят по ра́дио. И заигра́ет оркестр. Хотя́ па́пу не бу́дет ви́дно, но мы́-то зна́ем: он там на сце́не; он дирижи́рует э́тим оркестром. Мы все ду́маем здесь о па́пе, а он ду́мает там о нас. Хотя́ там ему́ не́когда ду́мать, но э́то ведь ничего́ не зна́чит! Па́па мой выступа́ет по ра́дио. Тако́го ещё никогда́ не быва́ло!

— До́лго ждать,— говори́т Ли́верпуль.

— Сейча́с, сейча́с,— волну́ется ма́ма.

— Молоде́ц Воло́дя! — говори́т Фатьма́.

В како́й раз ма́ма расска́зывает:

— Я и не ду́мала, он звони́т вдруг по телефо́ну, так и так, говори́т, то́лько что я узна́л, меня́ бу́дут трансли́ровать. Я кричу́: «Что трансли́ровать?» Он отвеча́ет: «Меня́ трансли́ровать». Я говорю́: «Каки́м о́бразом?» Он говори́т: «По ра́дио». А я всё не пойму́, ведь впервы́е... Когда́ поняла́, так волнова́лась!

— За тако́го челове́ка, как Воло́дя,— говори́т Ли́верпуль,— я с удово́льствием вы́пил бы. За него́ я гото́в всегда́ вы́пить.

— Опя́ть всё про то! — возмуща́ется ма́ма.

— Нет, за успе́х,— говори́т Ли́верпуль. — Я за успе́х... Я не про́сто так...

— Да прекрати́те вы,— говори́т ма́ма.

— Сейча́с начнётся!

— Не́ту там ничего́,— говори́т мой брат Бо́ба.

— Там твой па́па,— говори́т ма́ма.

— Где же па́па, раз там его́ нет?

— Суета́ суе́т,— говори́т Ли́верпуль.

— Вы опя́ть пья́ный? — говорю́ я.

— Тебя́ не каса́ется,— говори́т он.

— Та́к-то так,— говорю́,— но всё же...

— Понима́ешь, э́то со мной быва́ет. Не то что́бы ка́ждый день. Но дово́льно ча́сто. Я не скажу́, что всё э́то здо́рово. Наве́рное, э́то да́же пло́хо...

— Отврати́тельно !— говори́т ма́ма.

— ...но тут, брат, ничего́ не поде́лаешь. Тут, тако́е, брат, де́ло. Привы́к я — и всё тут! Ну, ты не поймёшь...

— Понима́ть-то не́чего! — говори́т ма́ма.

— ...В о́бщем-то э́то сквёрная шту́ка. А гла́вное, что бесполе́зная. То́лку от э́того не́ту. Ну, соверше́нно нет то́лку. Ниско́лечко... Тру́дно сказа́ть, заче́м я э́то де́лаю. Но я э́то де́лаю. И никому́ не сове́тую...

— Да прекрати́те вы! — говори́т ма́ма.

— ...Ты, брат, не ду́май, что я несчастли́вый. Я, мо́жет быть, да́же са́мый счастли́вый. Я ви́дел свет, мно́го ра́зных люде́й, а тепе́рь я здесь, с ва́ми... Твой оте́ц пла́вал на шху́не «Мари́я»... Это шху́на была́, я вам скажу́! Таки́х шхун поиска́ть на све́те! Твой оте́ц там пла́вал ю́нгой. До вели́ких собы́тий. Пото́м э́ти собы́тия — он на коня́. Командир эскадро́на! Как в ска́зке!..

— Замолчи́те вы! — кричи́т ма́ма.

— Таки́х люде́й,— говори́т Ли́верпуль,— как твой оте́ц, о́чень ма́ло на све́те.

— Что тако́е,— вдруг говори́т Али́,— шкала́ на Пари́же?

— О! Пари́ж! — говори́т Ли́верпуль.— Я там не́ был...

— Почему́ шкала́ на Пари́же? — говори́т дя́дя Али́.

— О како́м Пари́же вы говори́те? — говори́т ма́ма.

— О са́мом францу́зском,— говори́т он.

— Ой,— кричи́т ма́ма,— шкала́ на Пари́же! Приёмник совсе́м на друго́й волне́!

Мой брат Бо́ба куда́-то исче́з. Коне́чно же, э́то его́ рук де́ло! Ка́ждый кру́тит приёмник. Все и́щут волну́. Наконе́ц-то! Мы слы́шим гром орке́стра.

— Кака́я доса́да! — волну́ется ма́ма.— Воло́дю уже́ объяви́ли!

— Ура́! — кричу́ я.— Ура́!

— Урррра́!! — крича́т бра́тья Изма́йловы.

— Кака́я доса́да,— говори́т ма́ма.— Как э́то мо́жно! Ведь са́мое гла́вное! — Ма́ме оби́дно. Она́ и́щет Бо́бу.

Бо́ба лежи́т под крова́тью. Он чу́вствует что́-то нела́дное.

— А ну, выходи́! — кричи́т ма́ма.— Сейча́с же!

Он не ду́мает вылеза́ть.

— Я жду! — кричи́т ма́ма.— Дава́й вылеза́й!

— Оста́вьте его́,— говори́т Ли́верпуль.

— Я ему́ покажу́! — кричи́т ма́ма.— Ведь он ненорма́льный!

— Я спрошу́ его́,— говори́т Ли́верпуль. Он подхо́дит к крова́ти и спра́шивает: — Ты варёные гало́ши не ел?

— Не ел,— отвеча́ет Бо́ба.

— Таре́лки в суп не кроши́л?

— Не кроши́л.

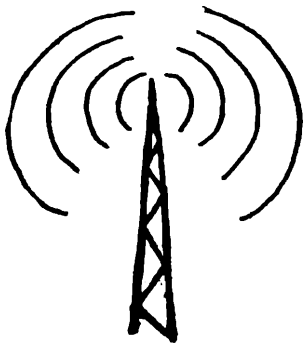
— Зати́лком ничего́ не ви́дел?

— Ничего́ не ви́дел.

— Како́й же он ненорма́льный?! Вы слы́шите? Дай ему́ бог здоро́вья!

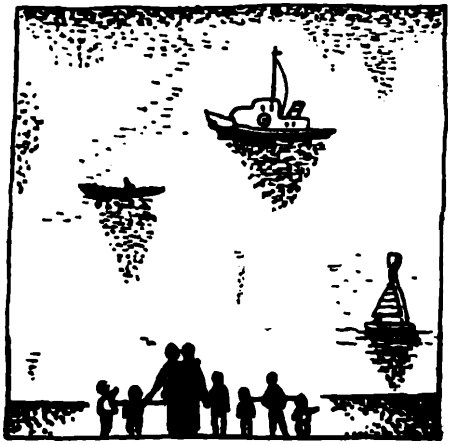
— Ли́верпуль, Ли́верпуль,— говори́т ма́ма,— вы мне ребёнка кале́чите.

Бра́тья Изма́йловы пою́т пе́сню. Под мо́щный гром орке́стра.



6

ВОСКРЕСЕНЬЕ



В сте́ну к нам постуча́ли Изма́йловы. Мы всегда́ стучи́м к ним, а они́ стуча́т к нам. Это на́ша связь.

Я бегу́ к ним узна́ть, в чём де́ло.

Рами́с, Рафи́с, Раси́м, Раи́с — в бе́лых руба́шках, в пана́мках и в си́них санда́лиях. Дя́дя Али́ говори́т:

— Как Воло́дя? Не хо́чет ли он прогуля́ться с детьми́? Тако́й ве́чер! Вот мы все гото́вы.

Мой па́па спал. Но он встал сейча́с же.

— Да, да, да! — сказа́л он.— Неме́дленно! Мы идём прогуля́ться!

Это так неожи́данно!

Я ищу́ свой костю́мчик. Мой брат Бо́ба пла́чет. Он сам не мо́жет оде́ться.

— В чём де́ло? — говори́т ма́ма.

— Скоре́й,— говори́т па́па,— ве́чер чуде́сный, Али́ ждёт нас, де́ти ждут, я пойду́ умо́юсь...

Мой па́па идёт умыва́ться.

— Я не пойму́,— говори́т ма́ма,— он же спал...

Па́па мой одева́ется. Я одева́ю Бо́бу.

— Сумасше́дшие! — говори́т ма́ма.

Вот и тётя Фатьма́. Она́ нас торо́пит. У них разгово́ры с ма́мой. Им гуля́ть не́когда. Им ну́жно поговори́ть. Все круго́м им меша́ют. Всегда́ не даю́т разгова́ривать.

Мы идём на бульва́р всей компа́нией. У нас замеча́тельная компа́ния! Ра́зве лу́чше быва́ют компа́нии? Четы́ре мои́х лу́чших дру́га — все в бе́лых руба́шках и си́них санда́лиях. Я в кра́сных санда́лиях, а Бо́ба в кори́чневых. Бо́ба несёт заводно́й парово́з, а Рафи́с винто́вку. У него́ замеча́тельная винто́вка. Её сде́лал дя́дя Али́. Он всё мо́жет сде́лать — стул, стол, табуре́тку... У нас в про́шлом году́ была́ ёлка огро́мная. Мы ста́ли ста́вить её — ну ника́к! — ёлка всё вре́мя па́дает. «Крест на́до,— говори́т па́па,— где я возьму́ его́?» Мы опя́ть ста́вим ёлку в боча́нок, а ёлка всё вре́мя па́дает. Вхо́дит дя́дя Али́, говори́т: «У вас до́ски есть?» Мы говори́м: «Каки́е до́ски?» — «Деревя́нные»,— говори́т он. Я принёс две дощёчки. А он говори́т: «То́лще есть?» Я говорю́: «То́лще есть». Он говори́т: «Тащи́ их». Он берёт э́ти до́ски: раз-два — и крест гото́в. Мы так удиви́лись! Сосе́ди у нас про́сто ре́дкие. Мы к ним хо́дим. Они́ хо́дят к нам. Па́па му́зыке у́чит Райса, Рами́са, а Раси́м, Рафи́с ещё ма́ленькие. А то па́па их то́же учи́л бы.

Мы идём на бульва́р всей компа́нией.

А на бульва́ре наро́ду! Мо́ре как зе́ркало. Игра́ет

му́зыка. Па́па де́ржит меня́ кре́пко за́ руку, а я иду́ по барье́ру. А за барье́ром мо́ре. Там ката́ют на ка́тере.

— Кто со мной? — говори́т па́па. Он идёт пе́рвый на при́стань.

Мы сади́мся в ка́тер. Мото́р тарахти́т, и мы е́дем. А я сижу́ с гармони́стом. Он вовсю́ игра́ет. И поёт про́сто здо́рово:

Люби́мый го́род мо́жет спать споко́йно...

Я то́же пою́, поют бра́тья Изма́йловы. Все поют.

С мо́ря го́род наш весь в огня́х. Бу́дто фейерве́рк. Очень краси́во!

То́лько жа́лко, что ма́ло ката́лись.

— Ещё хоти́м! — крича́т бра́тья Изма́йловы. Ка́тер подхо́дит к при́стани.

Брат мой Бо́ба схвати́лся за по́ручни. Еле-е́ле его́ оторва́ли.

Он идёт и ревёт на весь бульва́р.

— Прекрати́,— кричи́т па́па,— мне э́то не нра́вится!

Мы захо́дим в тир.

Па́па с дя́дей Али́ стреля́ют. А нам не даю́т. Мы стои́м, смо́трим, да́же не про́сим. Мы зна́ем, нельзя́ меша́ть, раз лю́ди це́лятся.

— Все в деся́тку,— говори́т па́па.

Они́ сно́ва це́лятся, а мы смо́трим.

— А где Бо́ба? — говори́т па́па.

Мы выбега́ем из ти́ра. Па́па да́же забы́л свою́ пре́мию.

Во́зле ти́ра толпа́.

— Что случи́лось? — говори́т па́па.

— Да вот, ма́льчик тут потеря́лся. А где живёт, не зна́ет. То есть он но́мер до́ма по́мнит. А у́лицу он забы́л.

— Где э́тот ма́льчик?

Да ра́зве уви́дишь здесь ма́льчика! В тако́й толпе́! Мы, коне́чно, его́ не ви́дим. Зато́ мы слы́шим, как он говори́т:

— Я забы́л свою́ у́лицу...

Ну коне́чно же, э́то Бо́ба!

Ему́ говоря́т:

— Вспомина́й, ма́льчик, э́то ведь ва́жно.

— Сейча́с,— говори́т Бо́ба,— вспо́мню...

Ему́ говоря́т:

— Ты не торопи́сь. Вспомина́й без волне́нья.

А он говори́т:

— Я совсе́м не волну́юсь.

Ему́ говоря́т:

— Ты ку́шать хо́чешь?

— Хочу́,— говори́т Бо́ба.

— Сыр хо́чешь?

— Сыр не хочу́.

— А конфе́ту?

— Конфе́ту хочу́.

— Тебя́ хорошо́ ко́рмят?

— Пло́хо.

— Това́рищи! Ма́льчика пло́хо ко́рмят! Тебя́ о́чень пло́хо ко́рмят?

— Очень.

— А чем тебя́ ко́рмят?

— Всем.

— Зна́чит, ты не быва́ешь голо́дным?

— Быва́ю.

— Как же ты быва́ешь голо́дным, е́сли тебя́ всем ко́рмят?

— А я не быва́ю голо́дным.

— Ты же сказа́л, что быва́ешь.

— А я наро́чно.

— Заче́м же ты нас обма́нываешь?

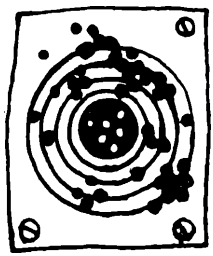
— Про́сто так.
— Ты всех обма́нываешь?
— Всех.
— Заче́м же ты э́то де́лаешь?
— Про́сто так.
— Смотри́те како́й! Про́сто жуть! Ну и ребёнок!

Тогда́ па́па сказа́л чуть не це́лую речь. Он сказа́л:

— Това́рищи! Это мой сын. Он сбежа́л из ти́ра. Дава́йте-ка мне его́ сюда́! Я его́ оте́ц. А болта́ет он здо́рово. Это уж ве́рно. Вы э́то са́ми заме́тили. И где то́лько он научи́лся болта́ть! Про́сто ди́ву даёшься! Я ви́жу, он вам понра́вился. Но я вам его́ не оста́влю. Раз уж он мой сын.

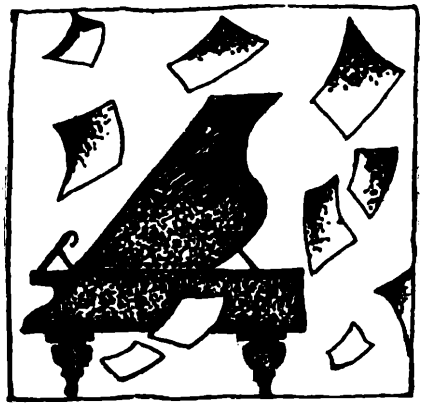
Тогда́ все расступи́лись. Мой па́па взял Бо́бу на пле́чи. Пожела́л всем успе́хов в рабо́те. И мы пошли́ домо́й.

А пре́мия в ти́ре оста́лась. Тут всё на све́те забу́дешь!



7

МОЙ ПАПА ПИШЕТ МУЗЫКУ



Наш па́па сего́дня до́ма. Сего́дня он не идёт в музыка́льную шко́лу, где он обы́чно преподаёт. Сего́дня у па́пы свобо́дный день. Сего́дня он пи́шет му́зыку. В э́то вре́мя у нас до́ма ти́хо. Мы с ма́мой хо́дим на цы́почках. Брат мой Бо́ба ухо́дит к Изма́йловым.

Наш па́па пи́шет му́зыку!

— Тру-ру-ру́! — напева́ет па́па.— Та-та́! Та-та-та́!

Это пра́вда, я не люблю́ Клеме́нти. Не о́чень люблю́ я му́зыку. Но когда́ па́па вот так за роя́лем, поёт и игра́ет, и пи́шет но́ты,— мне ка́жется, он сочиня́ет марш. Му́зыку я не люблю́, э́то ве́рно. Я люблю́ ра́зные

пе́сни. Те, что пою́т солда́ты. И ма́рши люблю́, что гремя́т на пара́дах. Если бы па́па мой написа́л тако́й марш! Я был бы о́чень дово́лен. Я па́пу проси́л об э́том. Он мне обеща́л. Мо́жет быть, он сейча́с пи́шет марш для солда́т? Мо́жет быть, я уви́жу когда́-нибудь це́лый полк — все с винто́вками, в ка́сках, раз-два! раз-два! — все шага́ют под гро́мкий па́пин марш! Как э́то бы́ло бы здо́рово!

— Ты пи́шешь марш? — говорю́ я па́пе.

— Марш? Како́й марш?

— Са́мый вое́нный,— говорю́ я.

— Убери́ его́,— говори́т па́па.

— Марш отсю́да! — говори́т ма́ма.

Я иду́ на балко́н. Ви́жу де́вочку с ба́нтом. Поду́маешь, бант! Па́па мой пи́шет му́зыку! Мо́жет быть, марш!

— Тру-ру-ру́! — поёт па́па.

Ага́, слы́шит, наве́рное! Пусть она́ зна́ет. Всё де́лает вид, что не слы́шит!

— Трам-та́м! — стучи́т па́па по кры́шке роя́ля.

Это нельзя́ не услы́шать.

Она́ поднима́ет го́лову. Но я смотрю́ в сто́рону. Пусть она́ зна́ет!

— Бам! — Па́па сту́кнул по кры́шке роя́ля. С тако́й си́лой, что я да́же вздро́гнул.

— Бам!!! Бам!!! Бам!!! — Он стучи́т кулако́м по кры́шке.

— Ага́! Ну, каково́?

А она́ то́лько ба́нтом махну́ла.

Тогда́ я разозли́лся и кри́кнул:

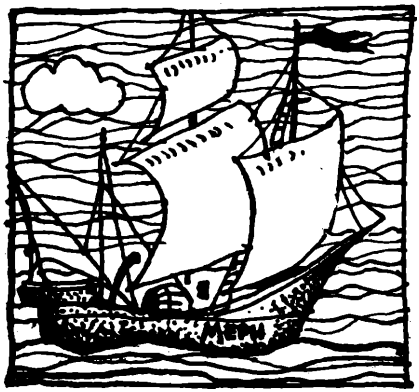
— Эй, ты! Не́чего здесь проходи́ть! Слы́шишь? Не́чего!

Расстро́енный, я ушёл с балко́на. Я ви́жу, и па́па расстро́енный. Он сиди́т, подпере́в руко́й щёку. Тако́й весь печа́льный.

— Ма́ма на ку́хне,— говори́т он.
— Заче́м мне ма́ма?
— Тогда́ как хо́чешь,— говори́т он.
Вот и ма́ма. Она́ говори́т:
— Брось ты э́то, Воло́дя...
— Что бро́сить-то? — говори́т па́па.
— Эту твою́... симфо́нию...
— Я же чу́вствую... тут вот не то... тут не то... а тут — то!
— Ну и брось, раз всё не то...
— Не всё не то...
— Всё равно́.
— Как э́то так всё равно́?!
— Я-то тут ни при чём,— говори́т ему́ ма́ма.
— Ты ни при чём, э́то ве́рно...
— И Пе́тя ни при чём, и Бо́ба.
— И Пе́тя и Бо́ба...— говори́т па́па.
Он смо́трит на нас, а мы на него́.
— Да́йте мне отдохну́ть,— про́сит па́па.
Но ему́ не даю́т отдохну́ть. К нам звоно́к. Это Олимпиа́да Васи́льевна. Со свои́м сы́ном Ми́шей. Па́па бу́дет с ним занима́ться.

8

ОЛИМПИАДА ВАСИЛЬЕВНА И ДЯДЯ ГОША



Ми́ша кривля́ется, стро́ит ро́жи, пока́зывает всем язы́к. А па́па сиди́т с ним ря́дом, счита́ет в такт: «Раз — и, два — и, три — и...»

Занима́ется па́па беспла́тно. Потому́ что знако́мый.

— Вы золото́й челове́к,— говори́т Олимпиа́да Васи́льевна.

— Баловни́к он у вас,— отвеча́ет ей па́па.

Она́ кричи́т сы́ну в у́хо:

— Где со́весть? Где со́весть? Где со́весть у челове́ка?!

Он перестаёт стро́ить ро́жи. Но ненадо́лго.

— Бессо́вестный! — кричи́т Олимпиа́да Васи́льевна.

— Они́ все таки́е,— говори́т па́па.

— Все бессо́вестные,— говори́т Олимпиа́да Васи́льевна.

Почему́, ду́мал я, его́ у́чат му́зыке? Почему́ меня́ у́чат му́зыке? Почему́ всех круго́м у́чат му́зыке? Если никто́ не хо́чет? Этого я не мог поня́ть!

— Вот тут вам пода́рок,— говори́т Олимпиа́да Васи́льевна.

— Бро́сьте вы э́то,— говори́т па́па.

— Нет, пожа́луйста, я вас прошу́.

— Я вас то́же прошу́,— отвеча́ет па́па.

— Нет уж, вы позво́льте...

Па́па смеётся.

Ма́ма моя́ говори́т:

— Он стра́нный. Вы не обраща́йте внима́ния.

— Я-то ви́жу,— вздыха́ет Олимпиа́да Васи́льевна. Она́ почему́-то всё вре́мя вздыха́ла.

За ней приходи́л её муж — дя́дя Го́ша.

Ми́ша то́тчас же вска́кивал и во всю глотку вопи́л: «Коне́ц!»

Он хоте́л скоре́е домо́й.

Дя́дя Го́ша ходи́л по ко́мнате.

— Где сейча́с моряки́? — ора́л он.— Нет сейча́с моряко́в! Это то́чно. Это ведь факт!

— Что — факт? — спра́шивал па́па.

— Слу́шайте да́льше. Не перебива́йте. Вы зна́ете голу́бку «Куи́н Ме́ри»?

— Не зна́ю,— говори́т па́па.

— Так вот, я пла́вал на э́той голу́бке, на э́той ста́рой посу́дине. Под паруса́ми, нет, на всех пара́х! Мы несли́сь, я вам скажу́, как че́рти! Сто во́семьдесят миль в час! Как вам э́то ка́жется? Как э́то поётся:

«Пятна́дцать челове́к на сунду́к мертвеца́, го-го-го́!» — так, ка́жется? Чуде́сная пе́сня! Мда... так вот, э́то бы́ло зре́лище!

— Как интере́сно! — говори́ла ма́ма.

— Я был в Африке, крокоди́лы так, мо́жно сказа́ть, и ле́зут, но наш брат, ему́ ка́рты в ру́ки... ребя́та с на́шей гало́ши...

— Чего́? — спра́шивал я.

— Ты помолчи́,— говори́л он мне.— Так вот, зна́чит, о чём э́то я? Да! Наш кора́бль вози́л опо́ссумов. Для ра́зных там зоопа́рков. Вы ви́дели опо́ссумов? Они́ вылеза́ли из я́щиков, гуля́ли по па́лубе, как матро́сы. Мы корми́ли их. Вме́сте с ни́ми резви́лись... Это миле́йшие зве́ри!

— Как они́ вы́глядят?

— Очень ми́ло, черто́вски ми́ло, но́сик кно́пкой, хвости́шко,— чуде́сные! А когда́ я был в Марсе́ле...

— Вы бы́ли и там? — удивля́лась ма́ма.

— Я был везде́! — отвеча́л дя́дя Го́ша.

— Интере́сный вы челове́к! — говори́ла ма́ма.

Он продолжа́л заду́мчиво:

— Я был в Ло́ндоне и в Амстерда́ме... Забы́л, кста́ти, про опо́ссумов! Они́, че́рти, жрут шокола́д, ха-ха-ха́!

Смея́лся он до́лго. Пото́м вдруг прекраща́л внеза́пно. И начина́л говори́ть о́чень бы́стро:

— Каи́р, Стамбу́л, языки́ мне даю́тся легко́, всем обя́зан мо́рю, пое́здки, лиа́ны, магно́лии, ка́ктусы... се́рбский, неме́цкий, францу́зский...

— Хва́тит,— проси́л па́па,— да́льше не на́до.

— Нет, почему́ же, я не уста́л.

— Я по́нял всё,— говори́л па́па.

— Ну хорошо́,— соглаша́лся он.— Де́ти ва́ши всегда́ пусть захо́дят. Прошу́! Им нужны́ сла́сти. Конфе́ты и про́чее.

— Спаси́бо,— говори́л па́па.

— Счёт, как в ба́нке!

— Спаси́бо,— говори́л па́па.

Олимпиа́да Васи́льевна не слу́шала. Она́ ушла́ на балко́н. Она́ не слу́шала дя́дю Го́шу. Ей бы́ло неинтере́сно.

Я смотрю́, а па́па тако́й уста́лый! У него́ глаза́ закрыва́ются. Он хо́чет спать.

Дя́дя Го́ша всё хо́дит по ко́мнате. Он бьёт по шка́фу ладо́нью:

— Как вы так живёте?

П а́ п а. Как?

Д я́ д я Г о́ ш а. Ну, у вас, наприме́р, нет шка́фа.

П а́ п а. Как нет, а э́то что?

Д я́ д я Г о́ ш а. Вот э́тот ста́рый я́щик?

П а́ п а. А что?

Д я́ д я Г о́ ш а. Нет, я вас не пойму́, ведь вам ка́рты в ру́ки!

П а́ п а. И я не пойму́.

Д я́ д я Г о́ ш а. Я никогда́ не пойму́, как так мо́жно жить!

П а́ п а. Как?

Д я́ д я Г о́ ш а. Вот так.

М а́ м а. Да, да, да... я ему́ говори́ла...

Д я́ д я Г о́ ш а. Пра́вда, тут ро́ль игра́ет хозя́йка...

М а́ м а. Я винова́та?

Д я́ д я Г о́ ш а. Я уж не зна́ю...

М а́ м а. С мои́м больны́м се́рдцем...

П а́ п а. Я вас прошу́, прекрати́те!

Д я́ д я Г о́ ш а. Ведь вам ка́рты в ру́ки... Нове́йший шкаф... я в одно́м до́ме ви́дел... Я вам добра́ жела́ю. Я от души́, так сказа́ть. Мне́-то ведь всё равно́. Но на ва́шем бы ме́сте...

П а́ п а. Что на на́шем ме́сте?

Д я́ д я Г о́ ш а. Я купи́л бы отли́чный шкаф.

Па́па. Ещё что?

Дя́дя Го́ша. Купи́л бы отли́чную лю́стру. Ведь вам ка́рты в ру́ки!

Па́па. Скажи́, пожа́луйста, почему́ мне ка́рты в ру́ки? Я соверше́нно не по́нял.

Дя́дя Го́ша. Ведь ты музыка́нт. Так сказа́ть, эстети́чески — музыка́льное движе́ние души́. Пра́вильно я говорю́? Я, брат, всё понима́ю. Я ва́шего бра́та зна́ю. Культу́рный ты челове́к и́ли нет? Ведь у тебя́ есть де́ньги. Ты тра́тишь их не туда́. Понима́ешь? Они́ не туда́ иду́т, не туда́! Ты поду́май, ведь я для тебя́, для твое́й же по́льзы, ведь я тебе́ то́лько добра́ жела́ю!

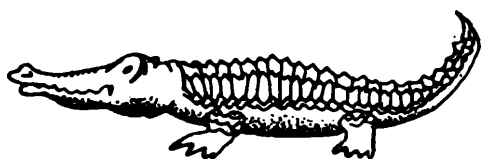
А па́па спит. Он уже́ ничего́ не слы́шит. Так и не узна́ет он э́того! Так и бу́дет он тра́тить их не туда́. Так и не ку́пит шка́фа мой па́па. И лю́стру то́же не ку́пит. Он спит. И ничего́ не слы́шит. А то, что слы́шал,— забы́л. Что же де́лать. Тако́й челове́к мой па́па!

На́ши го́сти ухо́дят. Вздыха́ет Олимпиа́да Васи́льевна. А па́па спит.

Я иду́ закрыва́ть за ни́ми дверь. Даю́ на проща́нье щелчо́к Ми́ше. Он кида́ется дать мне отве́тный щелчо́к. Но по́здно. Я бы́стро захло́пнул дверь.

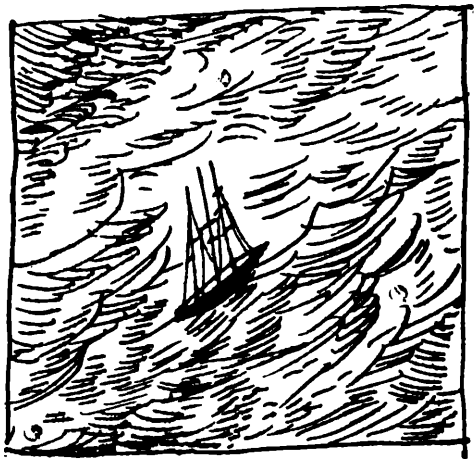
— Краси́вая же́нщина,— говори́т ма́ма.— А Го́ша тако́й романти́чный!

А па́па спит.



9

СТАРИК ЛИВЕРПУЛЬ И ПАПА



Па́па кури́л свою́ тру́бку. Дым из тру́бки шёл вверх, к потолку́. Стари́к Ли́верпуль дул на чай и грыз са́хар. У него́ все зу́бы це́лые. Ма́ма спра́шивает вся́кий раз: «И как э́то вы сохрани́ли зу́бы?»

Он посту́кивает по зуба́м ногтя́ми и говори́т, что ел кра́бов, ома́ров и жёлуди.

Па́па мой говори́т, что он то́же ел жёлуди.

Ма́ма ма́шет руко́й и смеётся. Не ве́рит она́ в то, что па́па ел жёлуди.

— Дорого́й Ли́верпуль,— говори́т ма́ма,— что за чушь?

Они́ ду́мали, что я сплю, но я не спал, а приоткры́л да́же чу́точку дверь, что́бы ви́деть их ли́ца.

Стари́к Ли́верпуль лю́бит па́пу. Когда́ па́па мой пла́вал ю́нгой (э́то бы́ло совсе́м давно́), он был в края́х Ли́верпуля. И хотя́ э́то бы́ло давно́, па́па по́мнит, каки́е там бы́ли дере́вья, дома́, да́же не́бо...

Стари́к Ли́верпуль. Да, да, да, то́чно тако́е не́бо!

Па́па. Я же по́мню.

Ма́ма. Го́ша там то́же был.

Па́па. Этот Го́ша про́сто болту́н.

Ма́ма. Ничего́ подо́бного!

Стари́к Ли́верпуль. Где был Го́ша?

Ма́ма. Там, где и вы.

Па́па. Никогда́ он там не́ был.

Ма́ма. Как мо́жно...

Па́па. Я совсе́м забы́л. Он там действи́тельно был, успоко́йся.

Стари́к Ли́верпуль. Был, и сла́ва бо́гу!

Ма́ма. А я что говорю́?

Па́па. То же са́мое.

Ма́ма. Ну так вот!

Все мо́лча пьют чай. То́лько слы́шен хруст са́хара.

Ли́верпуль. В ми́ре сейча́с трево́жно. А когда́ Гесс перелете́л в Англию...

Па́па. Это бы́ло давно́. А вот Ги́тлер — э́то уже́ не Гесс...

Ма́ма. У нас мир с фаши́стами.

Па́па. Како́й мо́жет быть мир с фаши́стами! В э́тот мир я ма́ло ве́рю.

Ма́ма. Как э́то ты не ве́ришь? Мир есть мир.

Па́па. Что ве́рно, то ве́рно...

Почему́ в ми́ре трево́жно? Кто тако́й Гесс? И ещё э́тот Ги́тлер... Всё бы́ло так интере́сно! Но поня́ть я не мог ничего́.

Воро́чается мой брат Бо́ба. Он лежи́т ря́дом со мной в э́той же ко́мнате. Он встаёт вдруг с крова́ти, идёт к дверя́м. Приоткры́в дверь, говори́т Ли́верпулю:

— А вы мо́жете съесть песо́к?

Все смею́тся. Бо́ба бежи́т обра́тно.

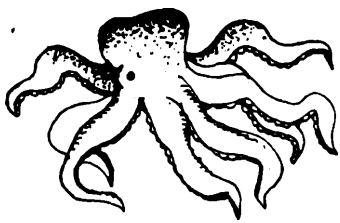
Ма́ма пло́тно закры́ла две́ри. Тепе́рь я ничего́ не ви́жу. То́лько кое-что́ слы́шу:

— «Мари́я» утону́ла в ты́сяча девятьсо́т семна́дцатом...

— Если Гесс перелете́л в Англию, то э́то зна́чит...

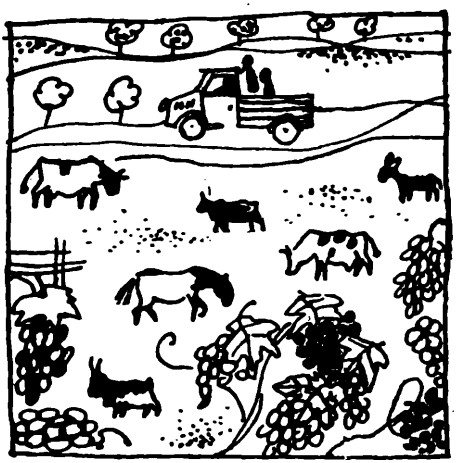
— Чёрт его́ зна́ет, что э́то зна́чит, но факт, что он туда́ перелете́л...

Я слы́шу хруст са́хара, ви́жу ома́ров в больши́х кра́сных ша́пках, шху́ну «Мари́ю», Ге́сса, кото́рый лети́т в свою́ Англию, сы́плет све́рху песо́к на шху́ну, и шху́на «Мари́я» то́нет...



10

НА ДАЧУ!



Мы всё-таки е́дем на да́чу!

— В Москву́ бы пое́хать,— говори́т па́па.

— В каку́ю Москву́? — Ма́ма не понима́ет.

— Мы сошли́ бы в Москве́ на Каза́нском вокза́ле... Что, ра́зве бы́ло бы пло́хо?

— К чему́ э́то всё? — Ма́ма не понима́ет.

Мой па́па в Москве́ роди́лся. Он хо́чет в Москву́. Он давно́ там не́ был. Он ка́ждый год в Москву́ хо́чет. А ма́ма не хо́чет. Она́ здесь родила́сь. Она́ лю́бит да́чу. И я люблю́ да́чу. Кто да́чу не лю́бит? Я люблю

и Москву́. Кто Москву́ не лю́бит? Но что же де́лать! На да́чу мне то́же хо́чется.

Мы стои́м во́зле маши́ны на у́лице. Все на́ши ве́щи в ку́зове. Ма́ма с Бо́бой се́ли в кабину́. Па́па всё говори́т про Москву́. Это с ним быва́ет.

— Я спешу́,— говори́т шофёр.

Ма́ма вдруг говори́т:

— Где поду́шка и ча́йник?

Я бегу́ за поду́шкой и ча́йником.

— Не забу́дь закры́ть дверь! — кричи́т ма́ма.

Поду́шка огро́мная. Тру́дно бежа́ть. Я теря́ю кры́шку от ча́йника.

— Она́ где́-то зевну́ла,— говорю́ я.

— Поищи́те её! — кричи́т ма́ма.

Нас провожа́ет вся у́лица. Здесь, коне́чно, все бра́тья Изма́йловы. И други́е мальчи́шки. Они́ все бегу́т на ле́стницу. Ищут там на́шу кры́шку. Шофёр говори́т:

— Это мне надое́ло.

— Вы же ви́дите,— говори́т па́па.

— Я-то ви́жу,— говори́т он.

— В чём же де́ло! — говори́т па́па.

Наконе́ц кры́шка на́йдена. Я ле́зу в ку́зов. Любо́й хо́чет е́хать в ку́зове! Бра́тья Изма́йловы е́дут за́втра. Они́ е́дут в пионерла́герь. Но их повезу́т в авто́бусе. Они́ не пое́дут в ку́зове.

— Отойди́те! — кричу́ я.— Ведь э́то маши́на! А не кака́я-нибудь там пово́зка!

— Ой,— кричи́т па́па,— ведро́ забы́ли!

Я бегу́ за ведро́м. Подаю́ ведро́ па́пе.

— Ничего́ не забы́ли? — кричи́т шофёр.

К нам спеши́т Ли́верпуль.

— Чуть-чу́ть не опозда́л,— говори́т он.

Стари́к Ли́верпуль всем жмёт ру́ки.

Мы тро́гаем с ме́ста.

Все мальчи́шки бегу́т за на́ми. Крича́т что́-то и ма́шут рука́ми. Оди́н Ли́верпуль оста́лся. Он стои́т, смо́трит нам вслед...

А мы вовсю́ е́дем! Ве́тер свисти́т. Во́лосы у па́пы растрепа́лись. И у меня́ растрепа́лись во́лосы. Уже́ на́шего до́ма не ви́дно. И всех мальчи́шек, и Ли́верпуля...

Па́па вдруг посмотре́л на меня́ — я на па́пу. И мы рассмея́лись. Не оттого́, что растрёпаны во́лосы. Не поэ́тому. А про́сто так. Это здо́рово — е́хать на да́чу, когда́ па́па ря́дом, вот здесь, на вещах — вы себе́ не представля́ете!

Жаль, что днём е́дем. Лу́чше бы но́чью. Тогда́ на́ши фа́ры горе́ли бы. Но днём светло́. Это то́же непло́хо. Очень тру́дно сказа́ть, что лу́чше!

Вдруг я вспо́мнил про де́вочку с ба́нтом... Эх, был бы я пира́том! Вот так мча́лся бы я в свое́й шху́не... Бьют во́лны, и шху́на кача́ется... Там вдали́ ви́ден кора́бль... В нём е́дет де́вочка с ба́нтом... Со мной це́лый отря́д... Я беру́ в плен кора́бль... «Ах, э́то вы! — скажу́ я.— Ну что ж, здра́вствуйте!» — «Ой! — вскри́кнет она́.— Да́йте мне воды́...» Я скажу́: «Я вас всех отпуска́ю. Плыви́те себе́ на здоро́вье! Куда́ ва́ши глаза́ гляде́ят...» Она́ ска́жет: «Ой, вы тако́й благоро́дный! Про́сто да́льше уж не́куда! Я остаю́сь с ва́ми. Я влюблена́!» — «Хорошо́,— скажу́ я,— пожа́луйста, как хоти́те...»

Стучи́т ведро́ о кастрю́лю. Звеня́т ло́жки и ви́лки в мешке́. Звени́т кры́шка ча́йника.

Мы выезжа́ем из го́рода. Куда́ ни глянь — вы́шки. Це́лый лес вы́шек.

Где́-то здесь до́лжен быть дя́дя Али́. Мо́жет быть, он меня́ ви́дит.

Мы е́дем бе́регом мо́ря. Ло́дки в мо́ре и на песке́. И бе́лые ча́йки над мо́рем. И се́ти. И ска́лы.

Мы е́дем сквозь виногра́дники. Блести́т доро́га на со́лнце. А по бока́м виногра́дники.

Мы е́дем совсе́м ря́дом с по́ездом. Мы мчи́мся, и по́езд мчи́тся — кто кого́ перего́нит!

Едут навстре́чу нам маши́ны. Мы е́дем навстре́чу маши́нам.

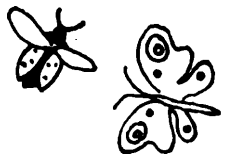
Иду́т навстре́чу нам лю́ди. Мы е́дем навстре́чу лю́дям.

Орёт осёл.

Крича́т бара́ны, и бле́ют ко́зы.

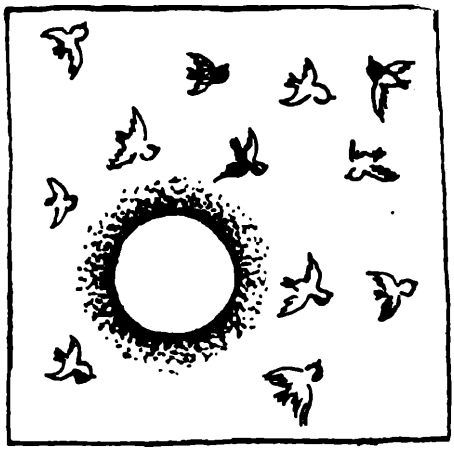
Куда́хчут ку́ры, кричи́т пету́х.

На́ша да́ча уже́ совсе́м ря́дом!



11

НА ДАЧЕ



На да́че у нас виногра́дники, инжи́ровые дере́вья и айво́вые дере́вья, а за дере́вьями и виногра́дниками мо́ре си́нее, а иногда́ зелёное, а когда́ дождь и ве́тер, — се́рое. Вот како́е э́то мо́ре! А песо́к под нога́ми горя́чий. Но к э́тому я привы́кну. В про́шлом году́ мне так жгло но́ги — вы себе́ не представля́ете! А пото́м я привы́к и ходи́л себе́ ско́лько вле́зет. У нас на да́че есть бык. Он в сара́е. Его́ звать Алёша. Я ви́дел его́ то́лько в щёлку сара́я. Огро́мный бык. Рога́ — во! Говоря́т, о́чень злю́щий. Тётя Эля, хозя́йка на́ша, расска́зывала. Он слома́л два забо́ра, двои́х забода́л,

мно́го бед натвори́л. Бык страшне́йший, ну, про́сто жуть! Иногда́ он протя́жно ревёт. Тогда́ мне стано́вится стра́шно. Я бегу́ от сара́я пода́льше. Я хвата́ю па́лку и жду. Я гото́в его́ встре́тить отва́жно. Мы то́лько вчера́ прие́хали, а тётя Эля уже́ нам сказа́ла:

— Смотри́те, наш бык опа́сен!

Ма́ма сказа́ла:

— Как — опа́сен?

— Свире́пый он. Не допуска́йте дете́й. Чтоб они́ дверь в сара́й не откры́ли.

Ма́ма сказа́ла нам:

— Слы́шите?

Я-то дверь не откро́ю. Вот Бо́ба — он мо́жет. Что ему́ бык! Ему́ всё равно́. Стра́нный он челове́к! Я не ве́рю, что я был таки́м, как он. Хотя́ мне говоря́т, что я был таки́м.

Я сейча́с стою́ в виногра́днике. Ви́жу по́езд вдали́, бе́лый дым. Слы́шу стук колёс. Кричат, кру́жатся в не́бе пти́цы. А со́лнце-то сло́вно костёр гори́т! Вся голова́ моя́ тёплая. Мне бы в мо́ре сейча́с!

Но ма́ма меня́ одного́ не пуска́ет. Очень жаль, что тут нет со мной бра́тьев Изма́йловых!

Вон сиди́т на забо́ре мальчи́шка — весь чёрный. Ну́жно с ним познако́миться. Непреме́нно я загорю́, как он. Чего́ бы мне э́то ни сто́ило!

Я стою́ в виногра́днике. Это здо́рово, что мы на да́че! Ско́ро наш виногра́д поспе́ет. Мы бу́дем есть его́ ско́лько хоти́м. Пока́ не наеди́мся. Па́па меня́ так учи́л: «Ты берёшь в ру́ки кисть. Вот так, а друго́й руко́й я́годы рвёшь. И кладёшь их в рот. Ты набира́ешь их по́лный рот. Как мо́жно бо́льше. Пото́м — раз! — надави́ все зуба́ми. Ты по́нял? Вот как едя́т виногра́д!» Ка́ждый год он повторя́л: «Погоди́. Пусть он то́лько поспе́ет. Я покажу́ тебе́, как э́то де́лается. Пусть он то́лько поспе́ет!» — «Это замеча́тельно!» —

говори́л я. «Ещё бы! — говори́л па́па.— К тому́ же ты мо́жешь его́ суши́ть. Вон на той пло́ской кры́ше. Брезе́нт расстели́ и суши́. Зимо́й всех угости́шь». Ка́ждый год я собира́лся суши́ть. Но так и не суши́л ни ра́зу. В э́тот год я насушу́ два мешка́ и́ли три, и́ли да́же четы́ре...

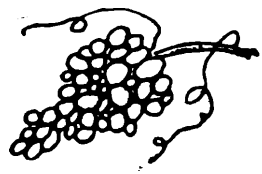
Сейча́с па́па в го́роде, что же де́лать! У на́шего па́пы рабо́та. Он не мо́жет всё вре́мя быть с на́ми. Прие́дет он то́лько к ве́черу. Я ви́жу и́здали по́езд. Со всех ног я помчу́сь к кали́тке. Что́бы встре́тить его́ на доро́ге.

Я стою́ в виногра́днике. Ско́ро весь виногра́д поспе́ет, инжи́р поспе́ет, айва́ поспе́ет, грана́ты поспе́ют... Я да́же стих сочини́л:

Со́лнце све́тит, и мо́ре сверка́ет,
И айва́ и инжи́р поспева́ет,
И растёт, и растёт виногра́д.
Как я рад! Как я рад! Как я рад!

Ма́ма и́щет меня́ по са́ду. Она́ де́ржит за́ руку Бо́бу. Вы слы́шите? Ма́ма зовёт меня́.

Я иду́ ма́ме навстре́чу.



12

МОЙ ПАПА И АЛЁША

Таки́м я не ви́дел па́пу. И ма́ма его́ не вида́ла таки́м. Он шёл стра́нной похо́дкой, весь в пыли́, а в портфе́ле, в рука́х и во всех карма́нах — не сра́зу мы по́няли, что э́то.

— Это реди́ска,— сказа́л я.

— Реди́ска?!

Заче́м па́пе сто́лько реди́ски?

Тут бы́ло чему́ удиви́ться!

Мы стои́м на вера́нде и смо́трим на па́пу. Он нас то́же ви́дит. Кричи́т нам:

— Я был на база́ре!

Он о́чень весёлый. Ма́шет портфе́лем. Реди́ска лети́т во все сто́роны.

Мой па́па был пья́ный.

Мы э́то с ма́мой уви́дели.

— Что э́то зна́чит? — кричи́т ему́ ма́ма.

А па́па — он был таки́м весёлым! — прошёл весь двор, пря́мо к две́ри сара́я, откры́л э́ту дверь и позва́л быка́.

Ма́ма так испуга́лась! Ещё бы! Тёти Эли нет до́ма, её му́жа не́ту, они́ о́ба в го́роде — что же де́лать?

— Иди́-ка сюда́,— зовёт па́па быка́.

Бык не идёт.

— Эй, Алёша! — кричи́т ему́ па́па.

Бык выгля́дывает из две́рей.

— Алёша! Кому́ говорю́!

Тогда́ бык пошёл пря́мо к па́пе.

Он идёт пря́мо к па́пе, а па́па кричи́т и ногой да́же то́пнул и сно́ва реди́ска попада́ла.

Бык споко́йно подхо́дит к па́пе. А па́па к земле́ нагну́лся. И собира́ет реди́ску.

Бык ждёт, когда́ он подни́мется.

— Эх, Алёша, Алёша,— говори́т па́па.

— Уходи́! — кричи́т ма́ма.— Скоре́й уходи́! Пока́ он ест!

А па́па — он да́же не слы́шит. Он и не ду́мает уходи́ть.

— Ешь, ешь,— говори́т он Алёше.

Алёша ест с удово́льствием.

— Тепе́рь прогуля́емся,— говори́т па́па.

Он берёт за оди́н рог быка́ и та́щит его́ прогуля́ться. И бык идёт сле́дом за па́пой.

Па́па де́лал кругй по́ двору. Бык шёл за ним и ел реди́ску.

— Люблю́ ле́то,— говори́л па́па,— замеча́тельное

здесь ле́то. И со́лнце здесь замеча́тельное. Но в Москву́ всё же хо́чется. Я там роди́лся... Там то́же есть со́лнце... коне́чно... но не в тако́м коли́честве...

— Ты же пья́ный! — кричи́т ему́ ма́ма.

— Сейча́с я приду́! — отвеча́ет па́па.

Я хочу́ бежа́ть к па́пе. Но ма́ма меня́ кре́пко де́ржит за ма́йку.

— Что он де́лает!!! — кричи́т ма́ма.

А па́па не слы́шит. Он хо́дит по кру́гу. Бык хо́дит за ним. Ест реди́ску. И слу́шает па́пу.

— Охо́та в Москву́... Там зимо́й мно́го сне́гу... А ле́том? Ну... ле́том там то́же тепло́. Ну, не так, как здесь... Это ве́рно...

Бык смо́трит на па́пу. Реди́ска вся ко́нчилась.

— Нет,— говори́т па́па,— ты поймй: со́лнце там то́же есть... но не в тако́м коли́честве...

Мне почему́-то смешно́ да́же ста́ло. Что па́па всё повторя́ет? Любо́й поймёт, да́же бык. Что он всё повторя́ет?

Бык как заорёт! А па́па его́ хлоп ладо́нью по ше́е. И бык замолча́л.

— То́же мне,— говори́т па́па,— вздумал ора́ть! Мы все ора́ть мо́жем. Ты лу́чше послу́шай. Тебе́ челове́к говори́т, так ты слу́шай... И не ори́! Так и знай. Что орёшь? То́же мне, разора́лся!

Бык внима́тельно смо́трит на па́пу.

— Ну, что уста́вился? — говори́т па́па.— Не написа́л я хоро́шей му́зыки. А почему́? Сам не зна́ю... Хотя́ мне всегда́ хоте́лось... И да́же сейча́с о́чень хо́чется! А со́лнце здесь есть, э́то ве́рно... А там не в тако́м коли́честве...

Тут во двор вхо́дят дя́дя Баги́р, тётя Эля и кто́-то ещё.

— Вай! — говори́т тётя Эля.

Дя́дя Баги́р кричи́т:

— Бык! Смотри́те!

— А,— говори́т па́па,— э́то вы!

— Осторо́жно! — кричи́т ему́ дя́дя Баги́р.

— Чепуха́,— говори́т па́па,— всё чепуха́...

Он броса́ет портфе́ль и идёт пря́мо к нам.

Бык рвёт па́пин портфе́ль. Летя́т но́ты по ве́тру...

— Что с тобо́й? — Моя́ ма́ма пла́чет. Она́ пе́рвый раз ви́дит па́пу таки́м.— Что с тобо́й сего́дня?!

— Ничего́,— говори́т па́па,— всё Ли́верпуль... Ли́верпуль меня́ угости́л... он меня́ угости́л. За успе́х... он не про́сто так...

— За како́й успе́х?!

— Ну... как, то есть? — сказа́л па́па.— Я за успе́х...

Па́пе вдруг ста́ло пло́хо.

13

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА

Я пошёл погляде́ть виногра́д. Я-то знал, что он ещё зелёный. Но я хоте́л ещё раз погляде́ть. Вдруг я ви́жу — бежи́т по доро́ге мальчи́шка, вокру́г пыль столбо́м и жара́ така́я, а он орёт:

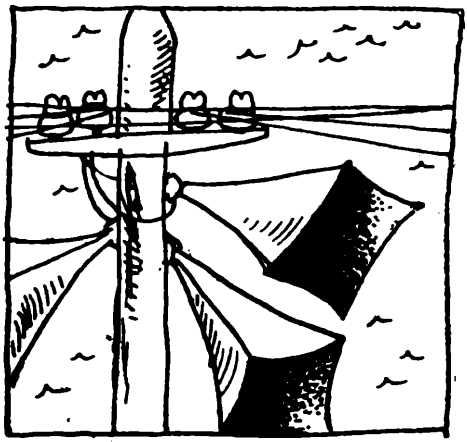
— Война́! Война́!

Ма́ма то́же вы́шла и́з дому. Слы́шит э́то и мне говори́т:

— Вот него́дный мальчи́шка! Вчера́ то́же крича́л: «Пожа́р! Пожа́р!» А никако́го пожа́ра не́ было.

14

ЕЩЁ ОДНА МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА



Па́пе к ве́черу ста́ло лу́чше. Он пошёл на вокза́л прогуля́ться. Он всегда́ ходи́л на вокза́л прогуля́ться. Уж о́чень люби́л он вокза́лы! Ся́дет там где́-нибудь на перро́не и всё сиди́т, отдыха́ет.

Верну́лся он о́чень бы́стро. Мой па́па вошёл и сказа́л одно́ сло́во:

— Война́!

Он не люби́л говори́ть мно́го слов. Тако́й был челове́к мой па́па!

15

ДОМОЙ

Мы уезжа́ем с да́чи.

Мне о́чень жа́лко да́чу. Жа́лко мне виногра́д — он ещё не поспе́л... Жа́лко мне расстава́ться с мо́рем...

Но мы уезжа́ем. За́втра е́дет на фронт наш па́па. Мы бу́дем его провожа́ть. А сейча́с мы сади́мся в маши́ну. И е́дем в обра́тную сто́рону.

Мы е́дем по той же доро́ге. Опя́ть е́ду я с па́пой в ку́зове. Но почему́ мне не ве́село? Мне да́же не интере́сно. Хотя́ е́ду я в том же ку́зове. И мне мо́гут опя́ть все зави́довать...

— Дождь бу́дет,— говори́т па́па.

— А как же мы?
— Так же, как и сейча́с.
— Но ведь дождь...
— Ну и что же?
— Но мы ведь промо́кнем...
— Промо́кнем...

А не́бо уже́ совсе́м се́рое. И дождь пошёл.

Па́па мой достаёт одея́ло. И мы накрыва́емся. Мы сиди́м под одея́лом. А дождь хле́щет и хле́щет на нас. Всю́ду льётся вода́. На́ши ве́щи, наве́рно, промо́кли...

Мы почти́ в темноте́. Я гляжу́ в щёлку и ви́жу дождь — бо́льше я ничего́ не ви́жу.

— Дура́цкий дождь,— говори́т па́па,— чёрт бы его́ побра́л...

— Пло́хо,— говорю́ я,— когда́ е́дешь и ничего́ не ви́дишь.

— Это ве́рно,— говори́т па́па,— не о́чень хорошо́...

— И когда́ дождь — то́же пло́хо.
— То́же пло́хо,— говори́т па́па.
— И когда́ но́ги мо́крые.
— То́же ве́рно,— говори́т па́па.
— Почему́ ты так мне отвеча́ешь?
— Как?
— Ну, ка́к-то ску́чно...
— А тебе́ ве́село?
— Нет, мне почему́-то не ве́село...
— Та́к вот и мне почему́-то не ве́село.
— Потому́ что дождь?
— И дождь и война́. Всё вме́сте.
— Но мы победи́м? Ведь ве́рно?
— А как же!
— Эх, — говорю́,— интере́сно всё же! Трахба́х — самолёты, та́нки...

Одея́ло с нас чуть не свали́лось. Па́па попра́вил его́ и сказа́л:

— Ну, ну, ну, не маха́й рука́ми.

— Тебе́ ка́ску даду́т? — говорю́.

— Даду́т,— говори́т па́па,— всё даду́т.

— Она́ ведь, наве́рно, желе́зная. Да́же стальна́я. Как ты ду́маешь, ка́ска стальна́я?

— Стальна́я,— говори́т па́па.

— Ты ходи́ в ка́ске,— говорю́,— раз она́ вся стальна́я.

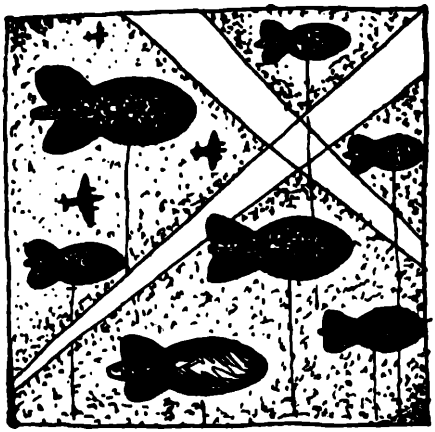
— Обяза́тельно,— говори́т па́па.

А дождь всё льёт и льёт.

А мы всё е́дем.

16

ДО СВИДАНИЯ, ПАПА!



Я, ма́ма, Бо́ба стои́м на балко́не.

Мы гляди́м в темноту́ — всё вокру́г темно́, в на́шем го́роде затемне́ние. Там в темноте́ мой па́па. Мы слы́шим па́пины шаги́, мне ка́жется, я его́ ви́жу, вот он оберну́лся, махну́л нам руко́й... Он то́лько что вы́шел и́з дому. То́лько что с на́ми прости́лся. Он ухо́дит всё да́льше, туда́, в темноту́.

— До свида́ния, па́па! — кричу́ я.

— До свида́ния, па́па! — кричи́т Бо́ба.

То́лько ма́ма стои́т с на́ми мо́лча.

Я кричу́ в темноту́:

— До свида́ния!

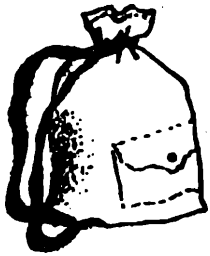
Бо́ба ма́шет двумя́ рука́ми. Темнота́-то кака́я! А он всё ма́шет. Бу́дто па́па его́ уви́дит...

...Шаго́в па́пы не слы́шно. Наве́рное, он свернул за́ угол. Мы с Бо́бой кричи́м:

— До свида́ния, па́па!

Мой па́па ушёл на войну́.

Мы ухо́дим с балко́на.



17

ПАПЫ НЕТУ

С утра́ наш телефо́н звони́т. Все спра́шивают: «Уе́хал?» — «Вчера́, — говорю́, — уе́хал». — «На фронт?» — спра́шивают. «На фронт»,— говорю́. «Как жаль,— говоря́т,— не успе́ли прости́ться!»

Бы́стро мой па́па уе́хал. Никто́ не успе́л с ним прости́ться.

Звоня́т и звоня́т. Ма́мы не́ту. Я всем отвеча́ю. «Как,— говоря́т,— уже́ уе́хал?» — «Вчера́,— говорю́, — уе́хал». — «На фронт?» — говоря́т. «На фронт»,— говорю́.

Опя́ть звоно́к.

— Ваш отец до́ма? — спра́шивают.
— Нет,— говорю́,— он уе́хал.
— А когда́ прие́дет?
— Не ско́ро.
— А куда́ он уе́хал, е́сли э́то не секре́т?
— Это совсе́м не секре́т. Он на войну́ уе́хал.
— На каку́ю войну́?
— Вы что, не зна́ете, что сейча́с война́?
— Некраси́во с его́ стороны́, некраси́во!
— Что некраси́во?
— То, что он уе́хал.
— Почему́ же некраси́во?
— Он мне до́лжен, а сам уе́хал.
— Чего́ до́лжен?
— Кое-что́ до́лжен.

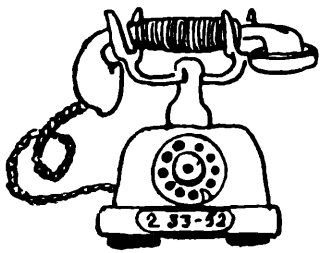
Тут я пря́мо растеря́лся. Про́сто не знал, что отве́тить. Сло́вно па́па сбежа́л на войну́ от него́. Про́сто меня́ зло взя́ло.

— Кто,— спра́шиваю,— говори́т?
— Не узна́л, карапу́з? Ну, будь здоро́в!

Тепе́рь узна́л. Это дя́дя Го́ша.

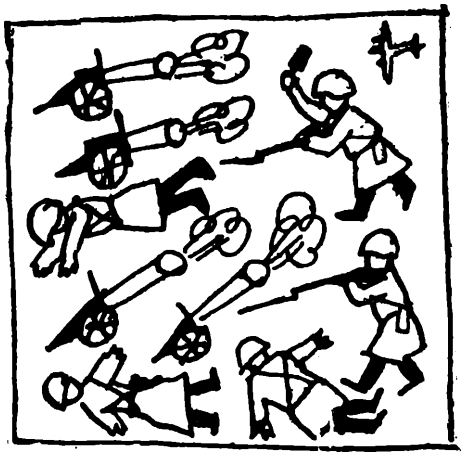
Когда́ меня́ ра́ньше спра́шивали: «Ты кого́ лю́бишь?» — я отвеча́л: «Па́пу, ма́му и дя́дю Го́шу».

Но э́то бы́ло ра́ньше.



18

Я ВИЖУ ПАПУ



Мы с Бо́бой е́дем в по́езде. Мы е́дем с ним в Баладжа́ры к па́пе.

Всё так бы́стро случи́лось! Так неожи́данно! Вдруг звони́т па́па. Я сра́зу не по́нял, кричу́:

— Что вам ну́жно?

А он говори́т:

— Мне ну́жен Пе́тя.

Я кричу́:

— Пе́тя вас слу́шает!

А он говори́т:

— Па́па вас то́же слу́шает.

Я как заору́:

— Где ты, па́па?

Он говори́т:

— Недалеко́.

Я кричу́:

— Как на фро́нте?

А он смеётся.

— Мы ещё,— говори́т,— не на фро́нте. Мы по доро́ге на фронт. Эшело́н наш пока́ в Баладжа́рах. Мы здесь пока́ задержа́лись. Как там у вас? Всё в поря́дке?

— Коне́чно,— кричу́,— всё в поря́дке!

Па́па всё ма́му ждал. А её не́ было. Тогда́ па́па сказа́л, что он всех нас целу́ет, что́бы мы бы́ли дру́жны, чтоб я слу́шал ма́му и Бо́ба чтоб слу́шал, и па́па пове́сил тру́бку.

Зна́чит, па́па от нас совсе́м бли́зко! То есть на пе́рвой ста́нции. Там, наве́рное, пу́шки и та́нки. Це́лый по́езд вое́нных. Па́па не́ был вое́нным, когда́ уезжа́л. Он был в свое́й ста́рой оде́жде. И пистоле́та у па́пы не́ было. И никако́й ка́ски не́ было. А сейча́с он, наве́рное, в ка́ске. И пистоле́т на боку́. Погляде́ть бы на па́пу!

Но па́па сейча́с в Баладжа́рах.

А я здесь сижу́. Про́сто глу́по, когда́ па́па там, а я здесь. Тем бо́лее он с це́лым во́йском. Тем бо́лее он в Баладжа́рах. Пря́мо, мо́жно сказа́ть, совсе́м ря́дом!

Я говорю́ Бо́бе:

— Слу́шай, ты мо́жешь споко́йно сиде́ть?

— Где сиде́ть? — спра́шивает Бо́ба.

— Ну, ничего́ не тро́гать.

— Чего́ не тро́гать?

— Ничего́,— говорю́,— не хвата́ть и не тро́гать, а про́сто сиде́ть, мо́жешь ты и́ли нет?

— Почему́? — говори́т Бо́ба.

— Я к па́пе е́ду!

— И я хочу́ к па́пе,— говори́т он.

— Ну тогда́,— говорю́,— собира́йся! Быстре́й!

...И вот мы с ним е́дем в по́езде. Пра́вда, мы с ним разби́ли копи́лки — его́ мо́пса и мою́ ко́шку. Попадёт нам за э́то от ма́мы. Но зато́ мы купи́ли биле́ты. Мы е́дем с настоя́щими биле́тами. Как настоя́щие пассажи́ры. Нам совсе́м не жа́лко копи́лок.

— Очень ме́дленно е́дет по́езд. Ползёт е́ле-е́ле. Скоре́й бы! А то па́па нас не дождётся. Уе́дет он со свои́м во́йском.

Бо́ба засну́л. Пусть спит, раз челове́к хо́чет спать.

Я смотре́л в окно́, а пото́м переста́л, про́сто мне не до э́того. Здо́рово, что мы сейча́с е́дем к па́пе! Он, наве́рное, удиви́тся, ска́жет: «Как э́то вы вдруг здесь?!» Я скажу́: «Я уже́ во́все не ма́ленький. Ты мне сам говори́л. В чём же де́ло?» Па́па, когда́ уезжа́л, сказа́л, что я, в о́бщем, уже́ вполне́ взро́слый, поско́льку война́ и поско́льку я ста́рший. Что уж тут нас руга́ть! Тут руга́й не руга́й, всё равно́. Раз прие́хали.

Я стал ду́мать про па́пу. Как па́па мне рисова́л кораблй, таки́е замеча́тельные, с паруса́ми. Лу́чше всех кораблей была́ шху́на «Мари́я». Тут па́па вовсю́ постара́лся. Ведь он пла́вал на э́той шху́не. Он её точь-в-то́чь зна́ет. «Я не худо́жник,— говори́л па́па,— но я постара́юсь». Он так всегда́ говори́л, когда́ мне рисова́л. Но лу́чше э́той шху́ны он ничего́ не нарисова́л. Когда́ он нарисова́л её, я поду́мал: «Вот так не худо́жник! Настоя́щий худо́жник». Вы бы ви́дели э́тот рису́нок. Замеча́тельный был рису́нок. Я его́ променя́л на мяч. Если бы э́то был плохо́й рису́нок, ра́зве мне да́ли бы мяч? Ни за что бы не да́ли. Вот како́й э́то был рису́нок!

Пото́м я про друго́е вспо́мнил. Как па́па войну́

рисова́л: иду́т в бой солда́ты, круго́м пали́т пу́шки и мно́го уби́тых. Он всех солда́т рисова́л в больши́х ка́сках. В большу́щих таки́х зелёных ка́сках. Но ведь их ВСЁ РАВНО убива́ли. Хотя́ все они́ бы́ли в ка́сках. Называ́л э́то па́па «бата́лией».

Я до́лго ду́мал про э́то.

Как-то я не могу́ не ду́мать. Я всё вре́мя чего́-нибудь ду́маю. Пра́вда, ча́ще всего́ чепуху́ ра́зную, иногда́ сам удивля́юсь — как э́то я тако́е ду́маю. Како́й-то я, в о́бщем, заду́мчивый. То́лько когда́ я в футбо́л игра́ю, и́ли когда́ в во́ду пры́гаю, и́ли когда́ пою́ пе́сни, тогда́ я ничего́ не ду́маю. Я тогда́ про́сто пры́гаю в во́ду, игра́ю в футбо́л и пою́ себе́ пе́сни.

Я всё ду́мал и ду́мал, и Бо́ба проснулся.

— Это что,— говори́т,— куда́ мы е́дем?

— Мы,— говорю́,— е́дем к па́пе.

— А куда́,— говори́т, — мы к па́пе е́дем?

— Мы,— говорю́,— е́дем в Баладжа́ры.

— Я,— говори́т,— спать не бу́ду, раз мы е́дем в Баладжа́ры к па́пе. Я посмотре́ть хочу́, как мы подъезжа́ть бу́дем. Я па́пу в око́шко уви́жу.

Он посиде́л, посиде́л, а пото́м говори́т:

— Баладжа́ры каки́е?

— Больши́е,— говорю́.

Тогда́ он совсе́м успоко́ился. И стал в окно́ смотре́ть.

Смотре́л он, смотре́л и опя́ть засну́л.

Кача́ется по́езд ужа́сно. Люба́й тут заснёт. Это я тако́й, в о́бщем, выно́сливый. Как Чапа́ев поги́б, слыха́ли? Часовы́е-то все усну́ли. Бе́лые к ним подкра́лись и всех — раз! раз! — заколо́ли. И на Чапа́ева бро́сились. А Чапа́ев-то спал, и чапа́евцы спа́ли. Проснулись — круго́м стреля́ют. Совсе́м бли́зко бе́лые. Оттого́ и поги́б Чапа́ев. А то он никогда́ не поги́б бы. Он до сих пор бы жил. Мо́жет быть, он при-

шёл бы к нам в го́сти. Чтоб побесе́довать с па́пой. Спроси́л бы меня́: «Ну, как живёшь?» — «Хорошо́ живу́, това́рищ Чапа́ев!» — сказа́л бы я. «И живи́ на здоро́вье! — сказа́л бы Чапа́ев.— Ещё лу́чше жить бу́дешь!» — «Това́рищ Чапа́ев,— сказа́л бы я,— как бы мне стать таки́м, как вы? Очень хо́чется мне стать Чапа́евым!» Что бы он мне отве́тил? Он, мо́жет быть, стал бы расска́зывать. Про ра́зные ко́нные ата́ки. Как скака́ли они́ вме́сте с па́пой, впереди́ всего́ ко́нного во́йска.

Мне спать нельзя́. Я могу́ Баладжа́ры прое́хать. Как-ника́к всё же пе́рвая ста́нция. Я, в о́бщем-то, о́чень выно́сливый. Эх, быть бы мне часовы́м! Да́ли бы мне винто́вку. Гляде́л бы я вдаль. Я бы зо́рко гляде́л. Никогда́ не подвёл бы Чапа́ева...

...Вон дя́дька в углу́ спит. Ря́дом с ним корзи́ны. Я стал ду́мать, что там в корзи́нах. Сейча́с все набира́ют проду́кты. Несу́т и везу́т что попа́ло. Там мо́жет быть:

индюки́,
мы́ло,
са́хар,
гу́си,
ку́рицы,
у́тки,
за́йцы и порося́та,
ма́ленькие ко́злики (хотя́ они́ мо́гут туда́ не помести́ться),
варе́нье,
пече́нье,
я́блоки,
гру́ши,
конфе́ты,
колбаса́,
лук,

огурцы́,
селёдка...

...Надое́ло мне ду́мать. Отку́да я зна́ю, что там мо́жет быть!

По́езд стал подъезжа́ть к Баладжа́рам. Я разбуди́л Бо́бу, и мы пошли́.

Ре́льсов-то ско́лько! Гудки́, свистки́. Игра́ет где́-то гармо́шка. Пою́т пе́сню:

Люби́мый го́род мо́жет спать споко́йно...

Мы с Бо́бой идём вдоль большо́го соста́ва. Во всех ваго́нах вое́нные. Очень тру́дно найти́ здесь па́пу!

Ско́ро нас окружи́ли вое́нные. Оди́н дал нам кусо́к колбасы́. Замеча́тельная была́ колбаса́! Я тако́й колбасы́ никогда́ не ел. Настоя́щая вое́нная колбаса́! Мы с Бо́бой её сра́зу съе́ли.

Мы хоте́ли да́льше идти́. Иска́ть па́пу. Но тут парово́з загуде́л что есть си́лы. Все ста́ли сади́ться в ваго́ны. По́езд тро́нулся и пошёл, снача́ла ти́хо, а да́льше быстре́й и быстре́й...

И тут я уви́дел па́пу.

Это был па́па, че́стное сло́во! В вое́нной фо́рме, в пило́тке. Бо́ба не ви́дел его́, а я ви́дел. Мой па́па стоя́л на подно́жке ваго́на. Он, ка́жется, нас заме́тил, да́же кри́кнул нам что́-то. Но я не расслы́шал, что он кри́кнул. Ваго́н бы́стро промча́лся ми́мо. Я уве́рен, что э́то был па́па. Он маха́л нам, и я побежа́л за ваго́ном, а по́езд уже́ вовсю́ мча́лся...

19

ОБРАТНО ДОМОЙ

Обра́тно мы шли по шоссе́йной доро́ге. Я ду́мал, так бу́дет быстре́е. Снача́ла я пел: «Со́лнышко я́сное, на́ша жизнь прекра́сная!» Пото́м на спине́ тащи́л Бо́бу.

Я не мог его́ до́лго тащи́ть, и мы се́ли на ка́мень. Круго́м жёлтая степь. Вся трава́ сгоре́ла от со́лнца. Мча́тся ми́мо маши́ны. Прое́хал танк.

Бо́ба как заорёт:

— Па́па е́дет! Вон па́па е́дет!

Он реши́л, что па́па в та́нке. Почему́ он так реши́л, я не зна́ю. Он стал так ора́ть, что я ду́мал, он ло́пнет. Хоте́л бежа́ть сле́дом за та́нком.

Вы бы ви́дели, как он ора́л,— грузови́к да́же останови́лся.

Шофёр говори́т:

— Вы, ребя́тки, чего́?

— Мы,— говорю́,— домо́й идём.

— А малы́ш чего́?

— Па́па наш в та́нке уе́хал,— говори́т Бо́ба.

— Врёт он всё,— говорю́,— ни в како́м та́нке он не уе́хал. Он в ваго́не уе́хал.

Шофёр говори́т:

— Всё я́сно, хотя́ не совсе́м. Ну, сади́тесь, жи́во!

Мы се́ли к нему́ в кабину. И во весь дух помча́лись.

— Зна́чит, вы здесь одни́,— говори́т шофёр.

— Мы,— говорю́,— к па́пе е́здили. Мы провожа́ть па́пу е́здили.

— Ах, вот оно́ что! — говори́т шофёр.— А ма́ма где?

— Ма́ма до́ма, мы са́ми пошли́.

— Ну и ну! — говори́т шофёр.

— Па́па наш капита́н Кра́сной Армии,— говорю́.

— Совсе́м хорошо́,— говори́т шофёр.

— Он с Чапа́евым воева́л,— говорю́.

— Да ну! — говори́т шофёр.

— Че́стное сло́во! Воева́л он с Чапа́евым, а Чапа́ева пото́м уби́ло...

— Пря́мо с ним ря́дом и воева́л?

— А как же,— говорю́,— отде́льно, что ли, коне́чно, ря́дом!

— Интере́сно,— говори́т шофёр.

Ему́ о́чень понра́вилось, что мой па́па с Чапа́евым воева́л. То́лько он немно́жко не ве́рил.

— Что, не ве́рите? — говорю́.— О́чень да́же напра́сно! А ещё па́па был моряко́м. Он на шху́не «Мари́я» пла́вал. Он э́ту шху́ну мне рисова́л. Замеча́тель-

ная была́ шху́на! Парусо́в — ты́сяча! Ма́чты — во! — грома́дные таки́е ма́чты, а нос длинню́щий, длинню́щий... То́лько э́то давно́ бы́ло...

— Ну и ну! — говори́т шофёр.

— А вообще́ па́па мой не вое́нный. И не моря́к. Это ра́ньше он был моряко́м. А сейча́с па́па мой музыка́нт. Он да́же му́зыку пи́шет. То́лько у него́ не о́чень получа́ется. Но он всё равно́ пи́шет. А ма́ма говори́т: не сто́ит, раз не получа́ется. А вы как ду́маете, сто́ит?

— Ну и врёшь же ты всё,— говори́т шофёр.— Вро́де ма́ленький, а врать гора́зд. И шху́ну приплёл, и Чапа́ева, а тут ещё э́та му́зыка...

— А вы,— говорю́,— у Ли́верпуля спроси́те, он вам ска́жет.

— У кого́?

— У Ли́верпуля.

— Что э́то за Ли́верпуль тако́й?

— Как,— говорю́,— кто тако́й? Ли́верпуль — э́то Ли́верпуль...

— Я,— говори́т, — с тобо́й разгова́ривать не бу́ду, е́сли ты мне бу́дешь глу́пости говори́ть...

Я говорю́:

— Вот прие́демте, я вас с ним познако́млю.

— С кем?

— С Ли́верпулем.

— Что э́то, попуга́й тако́й, что ли?

— Не хоти́те, не ве́рьте,— говорю́,— как хоти́те.

— Да ла́дно уж,— говори́т шофёр.

— Вы что везёте? — спра́шивает Бо́ба.

— Песо́к,— говори́т шофёр.

Бо́ба его́ про песо́к стал расспра́шивать: что за песо́к, есть ли там раку́шки, куда́ э́тот песо́к везу́т.

Шофёр ему́ отвеча́л всё в шу́тку, и Бо́ба был о́чень дово́лен.

— Я,— говори́т Бо́ба,— хочу́ туда́, в ку́зов, в песо́к, а вы здесь езжа́йте, разреши́те мне, пожа́луйста, в песо́к.

Ему́, коне́чно, не разреши́ли, и он всё ду́лся.

Шофёр нас довёз до́ дому. Пожа́л мне и Бо́бе ру́ки, пе́редал приве́т Ли́верпулю. И мы домо́й побежа́ли.

Ой, что тут бы́ло! На́ша ма́ма вся соверше́нно бле́дная. Сиди́т и пла́чет.

В э́то вре́мя мы вхо́дим.

М а́ м а. Где вы бы́ли?

Я. У па́пы. Там нас колбасо́й накорми́ли.

М а́ м а. Како́й колбасо́й?!

Б о́ б а. Ли́верной.

Я. Там нас ли́верной колбасо́й накорми́ли.

М а́ м а. Кто накорми́л?

Я. Мы е́здили к па́пе...

М а́ м а. Каки́м о́бразом?

Я. На по́езде.

М а́ м а. Бо́же мой!

Я. А обра́тно мы шли пешко́м...

М а́ м а *(кричи́т)*. Отку́да вы шли пешко́м?!

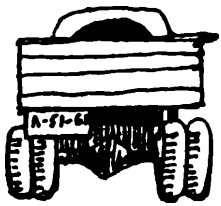
Я. Из Баладжа́р.

М а́ м а. Из Баладжа́р?!

Я. Я ви́дел па́пу...

Б о́ б а. Я ви́дел та́нки!

Ма́ма про́сит воды́. Ма́ме пло́хо. Я бегу́ за водо́й на ку́хню.



20

В КИНО

Це́лый день мы вози́лись в песке́. Хотя́ мне надое́л песо́к, но что же де́лать? Нас не пуска́ют да́льше двора́. Всё за то, что мы е́здили к па́пе. Мы бы́ли гря́зные, э́то пра́вда. И ма́ма нас ста́ла руга́ть.

— Неуже́ли нельзя́,— говори́ла она́,— так игра́ть, что́бы остава́ться чи́стыми, опря́тными и культу́рными детьми́, тем бо́лее что оте́ц на войне́?

Это бы́ло неинтере́сно. Мы э́то уже́ сто раз слы́шали.

«Игра́ть це́лый день в песке́, когда́ война́ и оте́ц на войне́... Ра́зве нельзя́,— ду́мал я,— игра́ть в песке́, е́сли да́же война́?»

А ма́ма продолжа́ла:

— Это ма́ленький — поня́тно, но ты́-то что там нашёл?

Что я там нашёл? Ничего́ не нашёл. Что там мо́жно найти́? Не беру́т же меня́ на фронт!

Наконе́ц ма́ма сказа́ла:

— Вот что. Я дам вам де́ньги. Иди́те в кино́.

Это бы́ло друго́е де́ло. Мы с Бо́бой сейча́с же помча́лись в кино́. Мы се́ли с ним в пе́рвый ряд. Я люблю́ пе́рвый ряд — как-ника́к не после́дний. Снача́ла журна́л пока́зывали. Интере́сный журна́л, про войну́ — стрельба́, взры́вы, та́нки,— война́, в о́бщем, са́мая настоя́щая.

Пока́зывали кра́сных ко́нников.

Пока́зывали, как гори́т го́род.

Показа́ли вое́нных в земля́нке.

И вдруг смотрю́ — па́па!

Снача́ла я не узна́л его́, он стоя́л, нагну́вшись над ка́ртой, а ря́дом ещё вое́нные, и все на ка́рту смо́трят, пото́м па́па взгляну́л на меня́, и я сра́зу узна́л его́ и на всё кино́ кри́кнул:

— Па́па!

Вокру́г меня́ заши́кали. «Ти́ше,— говоря́т,— не меша́йте смотре́ть карти́ну, како́й тут мо́жет быть па́па!» А оди́н говори́т: «Очень да́же возмо́жно; напра́сно вы, гра́ждане: мо́жет, и впрямь он отца́ уви́дел. Мо́жет, оте́ц его́ киноартист». Но тут опя́ть заши́кали. «Что вы,— говоря́т,— тут глу́пости ра́зные говори́те, како́й тут мо́жет быть киноартист, когда́ э́то са́мый натура́льный киножурна́л и никаки́х тут киноарти́стов нет». Тогда́ тот дя́дька сказа́л: «А мо́жет быть, наоборо́т: мо́жет быть, он отца́ уви́дел, и не киноарти́ста, как я предполага́л, а са́мого что ни на есть, как вы да́веча сказа́ли, натура́льного, фронтово́го отца́». Тут все опя́ть зашуме́ли, прекрати́те, говоря́т, э́то безобра́зие, что за шум, где дире́к-

тор, и всё тако́е. И ста́ло ти́хо. Я всё гляде́л, мо́жет, па́пу опя́ть пока́жут. Но бо́льше не показа́ли. Пото́м журна́л ко́нчился, свет зажёгся. Тот дя́дька, кото́рый меня́ защища́л, говори́т:

— Ты пра́вда там отца́ уви́дел?

— Ну да! — говорю́.— Ну да!

— Вот э́то интере́сно,— он говори́т,— любопы́тный слу́чай! Про́сто, мо́жно сказа́ть, исключи́тельный слу́чай. Сын ви́дит отца́ в кино́. А оте́ц на фро́нте. Нет, э́то ре́дкость, това́рищи! Ты, сынок, вот что сде́лай. Карти́на ко́нчится, а ты оста́нься. Ещё раз на отца́ погляди́. А я там объясню́, в чём де́ло. Чтоб тебя́, зна́чит, не тро́гали. Мы с Бо́бой, коне́чно, оста́лись.

По́зже мы пришли́ с ма́мой. От па́пы ведь не́ было пи́сем. Мы так волнова́лись за па́пу!

Оди́н раз я шёл ми́мо кино́. Меня́ подозва́л контролёр.

— Прости́, ма́льчик,— сказа́л он,— не твой ли оте́ц...

— Да, да, да,— сказа́л я,— мой, мой...— Я сра́зу по́нял его́.

— Так что вот,— сказа́л он,— прошу́, ми́лый, в любо́й день, в любо́й час дня и но́чи — прошу́! — И он показа́л руко́й в зал.

С тех пор я ходи́л ка́ждый день в кино́. Ка́ждый день я ви́дел па́пу. Па́пу ви́дел не то́лько я. Все мальчи́шки со всей на́шей у́лицы, и, коне́чно, бра́тья Изма́йловы, все ходи́ли со мной смотре́ть па́пу.

— Зови́ ещё,— говори́л контролёр,— всех зови́, пуска́й смо́трят!

Это был замеча́тельный контролёр!

21

ПРО ОТЦОВ И ПРО НАС

Я уже́ в тре́тьем кла́ссе. У нас тепе́рь но́вый учи́тель. Он похо́ж на Ли́верпуля. Он то́же лы́сый, но без бороды́.

Мы сиди́м и гляди́м на Пал Па́лыча, а он хо́дит по кла́ссу с ре́чью.

— ...Таки́м о́бразом, де́ти, идёт война́. Отря́ды на́ших бойцо́в бью́тся на всех фронта́х; рабо́чие, интеллиге́нция помога́ют фро́нту. Что тре́буется от вас, когда́ ва́ши отцы́ с ору́жием в рука́х бью́тся с

врагóм, чтóбы дать вам возмóжность вот так сидéть здесь, как вы сейчáс сидúте, и учúться? Что трéбуется от вас? От вас трéбуется взять у менá те знáния, котóрые я накопúл за свой дóлгие гóды. Это всё, что пока́ от вас трéбуется. А что трéбуется от менá? От менá трéбуется, разумéется, передáть вам э́ти знáния, котóрые я накопúл. Я дýмаю, вы меня́ пóняли. Я дýмаю, мы создадúм с вáми ту рабóчую обстанóвку, котóрая нам для э́того потрéбуется. Вы должны́ пóмнить, что вáши отцы́, вáши стáршие брáтья сдéрживают несмéтные óрды захвáтчиков, котóрые рвýтся сюдá, в наш гóрод. Ваш фронт — здесь в тылý, вот э́ти пáрты — вáши позúции. Тóлько своéй учёбой, а не кривля́ньем и лéнью вы добьётесь уважéния. Этим вы помогáете фрóнту, свои́м отцáм и стáршим брáтьям. Вы должны́ чýвствовать э́ту ответственность. Ваш враг не тóлько Гúтлер, не тóлько фашúствующее отрéбье, посягнýвшее на нас, ваш враг — э́то лень, кривля́нье, безответственность, беспринцúпность, безвóлье, безалáберность, бездýмье и так дáлее. Вы должны́ пóмнить э́то.

Пал Пáлыч подошёл к окнý.

— Что я вúжу там? — спросúл он.

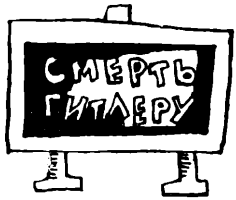
Мы стáли смотрéть в окнó, но ничегó такóго там не увúдели.

— Я вúжу там нáшу зéмлю. Вáши отцы́ бьются нáсмерть за э́ту зéмлю. Отцы́ вáши не заслýживают э́тих, с позволéния сказáть, подáрочков в вúде, как вы сáми понимáете, двóек и единúц, и я могý надéяться, могý дýмать, что э́то бýдет у нас редчáйшим явлéнием в нáшей прáктике. Могý я надéяться? — спросúл он.

— Мóжете! — заорáли мы вразбрóд.

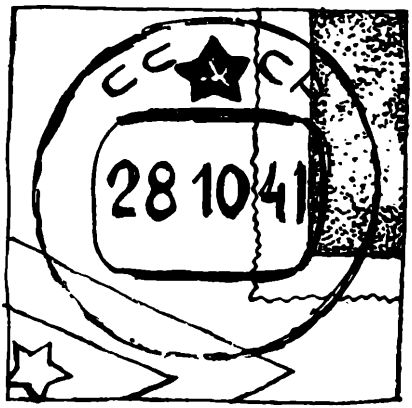
— Очень хорошó,— сказáл он,— приступúм к урóку.

Я как раз зака́нчивал рису́нок: отцы́ на́ши мча́тся на коня́х, с ша́шками наголо́, а Ги́тлер от них удира́ет. Я ви́дел, как рису́ют Ги́тлера в газе́тах, и, по-мо́ему, здо́рово похо́же получи́лось...



22

ДВОЙКА



Дво́йку всё-таки я получи́л. Хотя́ я вовсю́ стара́лся. Почти́ всё у Ми́шки списа́л.

Дво́йки я получа́л и ра́ньше. Но то бы́ло ра́ньше, а то тепе́рь. От па́пы давно́ нет пи́сем. С того́ дня, как он у́ехал. Я всё боя́лся: придёт письмо́, па́па спро́сит в письме́, как там Пе́тя, как у́чится, что я отве́чу?

Ну́жно бы́ло испра́вить дво́йку. Ждать я бо́льше не мог.

Я реши́л объясни́ть всё Пал Па́лычу.

— Мда...— сказа́л он.— Семь оши́бок в одно́м

изложе́нии. Но вы́ход есть. Вот возьми́ э́ту кни́жку. Вот э́тот расска́з. Ты прочтёшь его́ до́ма. Разо́к и́ли два. Но не бо́льше. Закро́ешь кни́жку и бу́дешь писа́ть. То́лько, чур, не загля́дывать. По́нял?

— А кто бу́дет смотре́ть, загля́дываю я и́ли не загля́дываю? — сказа́л я.

— Никто́ не бу́дет смотре́ть. Не тако́й ты уж ма́ленький. Взро́слый па́рень. Чего́ за тобо́й смотре́ть.

— Как же так? — удиви́лся я.— Я ведь бу́ду смотре́ть.

— Не ду́маю,— сказа́л он.

— Почему́ же?

— Потому́ что на че́стность. Тако́й уговор. Как же мо́жно смотре́ть! Тогда́ бу́дет нече́стно.

— Вот э́то да! — удиви́лся я.

— Я тебе́ ве́рю,— сказа́л Пал Па́лыч.— Я доверя́ю тебе́ — вот и всё!

— Та́к-то так,— сказа́л я,— но кто бу́дет знать?

— Мо́жно счита́ть,— сказа́л Пал Па́лыч,— что разгово́р у нас зако́нчен.

— Коне́чно, коне́чно,— сказа́л я,— коне́чно...

Я, наве́рно, был о́чень расте́рян. Тако́го ещё я не ви́дел. Это пря́мо-таки удиви́тельно!

Я прочёл расска́з то́лько два ра́за. Бо́льше я не откры́л кни́жку. Хотя́ мне о́чень хоте́лось. Я писа́л с трудо́м. Так хоте́лось мне загляну́ть в расска́з! Да́же в кла́ссе писа́ть бы́ло ле́гче. Там мо́жно бы́ло спроси́ть у Пал Па́лыча. Мо́жно бы́ло списа́ть у сосе́да. А здесь бы́ло всё на че́стность.

Я всё написа́л, как запо́мнил. Пал Па́лыч прочёл и сказа́л:

— Челове́к ты, я ви́жу, че́стный. Так и пиши́ отцу́.

— А как же дво́йка?

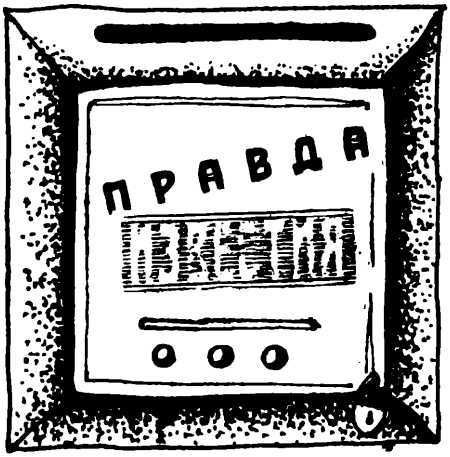
— Это не са́мое гла́вное. Мо́жешь счита́ть, что испра́вил.

— А отку́да вы зна́ете,— спроси́л я,— че́стный я и́ли не че́стный?

— Сра́зу ви́дно,— сказа́л Пал Па́лыч,— по изложе́нию ви́дно.

23

ДВА ПИСЬМА



Смотрю́ я на наш почто́вый я́щик и ви́жу: там что́-то беле́ет. Что́-то есть в на́шем я́щике, что́-то лежи́т там...

— Ма́ма! Ма́ма! — кричу́.— Что́-то в я́щике есть!

Я ведь могу́ посмотре́ть, что там есть, а сам на ме́сте стою́ и кричу́:

— Ма́ма! Там что́-то есть!

И вот ма́ма подхо́дит к я́щику, вынима́ет отту́да одно́ письмо́ и второ́е письмо́ — це́лых два письма́! Она́ прижима́ет к груди́ э́ти пи́сьма и говори́т: «Бо́же мой... бо́же мой!..» — и идёт бы́стро в ко́мнату. Я го-

ворю́: «Это всё от па́пы?» А ма́ма говори́т: «От па́пы, да... одно́ письмо́ от па́пы, бо́же мой...» У ма́мы вовсю́ дрожа́т ру́ки, она́ с трудо́м рвёт конве́рт и чита́ет. «Ты чита́й вслух, чита́й вслух»,— прошу́ я. И ма́ма чита́ет вслух, ма́мин го́лос совсе́м не похо́ж на ма́мин, како́й-то глухо́й и ти́хий, бу́дто издалека́ слы́шу я ма́мин го́лос:

...Чертовщи́на у нас тут получи́лась, о́чень ско́ро мы попа́ли в окруже́ние, ушли́ в лес и болта́лись там по леса́м и боло́там дово́льно до́лго, а пото́м прорвали́сь и соедини́лись с на́шими войска́ми. Сейча́с я жив и здоро́в. Здесь меня́ о́рденом награди́ли — Кра́сного Зна́мени. Тепе́рь вы понима́ете, почему́ от меня́ не́ было пи́сем — по э́той просто́й причи́не...

Да́льше па́па спра́шивал, как мы живём, как на́ше здоро́вье, что он о нас о́чень соску́чился, о́чень хоте́л бы уви́деть нас, но война́ — ничего́ не поде́лаешь!

Пото́м ма́ма чита́ет второ́е письмо́. Это письмо́ от знако́мой стару́шки. Она́ пи́шет без запяты́х и без то́чек, она́ не учи́лась в шко́ле, и ма́ме тру́дно чита́ть.

Здра́вствуйте дороги́е моему́ се́рдцу Валенти́на Никола́евна и ребя́тки уведомля́ю вас что жива́ и здоро́ва того́ и вам жела́ю дороги́е мои́ с того́ дня как вы у нас гости́ли тем ле́том но́вости дю́же вре́дные то есть не́мцы нас захвати́ли и всё у нас отбира́ть ста́ли а дя́дю Гри́шу не́мцы пове́сили и вот всё у нас не́мцы поотбира́ли а оди́н дю́же злю́щий у нас в на́шей ха́те посели́лся и ре-

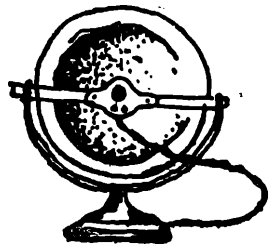
вольве́ром мне всё грози́т что я вро́де припря́тала кур и я́йца а я ничего́ припря́тать-то не успе́ла так вот мои́ ми́лые спешу́ вам сообщи́ть како́е у нас тут го́ре са́мое настоя́щее на на́ши голо́вушки свали́лось а в сле́дующих строка́х своего́ обстоя́тельного письма́ сообща́ю но́вость а ту и́менно что Воло́дя оте́ц ваш и муж твой Валенти́на Никола́евна как снег на́ голову вдруг объяви́лся а с ним на́ши солда́тики дю́же все похуда́вшие и не скрыва́ю я от вас от родны́х что и Воло́дя был похуда́вший и уста́вший а пого́да была́ у нас сквёрная ве́тры си́льные и дожди́ со сне́гом попола́м а Воло́дя-то с солда́тиками моего́ жильца́ лю́того враз застрели́ли и тут така́я пальба́ пошла́ страшне́йшая и не́мцев всех они́ тут перебили всех окаянных уничто́жили а Воло́дя-то ваш и говори́т ну Ма́рья Петро́вна живи́ споко́йно а я говорю́ как же вы́-то здесь очути́лись каса́тики когда́ на́ши-то все далеко́ отсю́да а он говори́т таки́е бабу́ся обстоя́тельства сложи́лись не горю́й бабу́ся верну́тся все обяза́тельно никуда́ бабу́ся не де́нутся а по́сле они́ ушли́ в лес обеща́ли верну́ться ты не горю́й говоря́т бабу́ся а как же тут не горева́ть дорога́я моему́ се́рдцу Валенти́на Никола́евна когда́ го́ре-то вон како́е на нас свали́лось и да́й-то им бог к свои́м дойти́ так вот и пишу́ я вам а вы на меня́ не серча́йте что мо́жет не так пишу́ а е́жели Воло́дя тут ещё объя́вится то я вам ещё напишу́ а други́х новосте́й пока́ не́ту то́лько Васи́отки племя́нник Никола́й ка́псюль всё ковыря́л и ему́ па́лец-то и оторва́ло а так на́ши пока́ что все жи́вы и тебе́

Валенти́на Никола́евна и дети́шкам твои́м приве́ты шлют остаю́ся жива́ и здоро́ва ба́бушка Мари́я Петро́вна и что пло́хо напи́сано не гне́вайтесь разбира́йте уж ка́к-нибудь.

Ма́ма всё чита́ла и чита́ла пи́сьма по не́скольку раз и всё пла́кала, а я сел писа́ть отве́т па́пе.

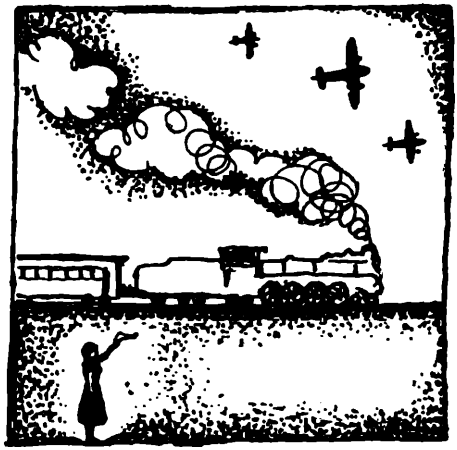
«Дорого́й па́па! — писа́л я.— С отме́тками у меня́ хорошо́. Меня́ да́же хвали́ли за че́стность, и вот как э́то произошло́...»

И я написа́л всё, как бы́ло с отме́ткой и с изложе́нием.



24

ДО СВИДАНИЯ, ДЯДЯ АЛИ



Рами́с, Рафи́с, Раси́м, Раи́с сиде́ли на ве́рхней ступе́ньке, а я стоя́л ря́дом.

— Мой па́па,— говори́л я,— уби́л са́мого гла́вного фаши́ста одни́м вы́стрелом вот с тако́го расстоя́ния, как отсю́да, вот от э́тих пери́л, до той трубы́, вон на той кра́сной кры́ше...

— Он уби́л Ги́тлера? — спроси́л Рафи́с.

— Ги́тлер сиди́т во дворце́,— сказа́л я,— как там его́ убьёшь.

— Зна́чит, не са́мого гла́вного,— сказа́л Раси́м.

— Как же не са́мого,— говорю́,— когда́ са́мого, то́лько не Ги́тлера, вот и всё...

— А да́льше что бы́ло? — спроси́л Раси́м.

— Пото́м па́па берёт автома́т и ка-ак пошёл чеса́ть — тра-та-та́! — по други́м фаши́стам. Он на ме́сте стоя́л и вокру́г крути́лся и тра-та-та́! — вкруговую...

— И в него́ не попа́ли? — спроси́л Раси́м.

— Как бы не так! — говорю́.

— Как же так,— сказа́л Раси́м,— раз он не нагиба́лся! На фро́нте все нагиба́ются. Я в кино́ ви́дел.

— Слу́шай да́льше,— сказа́л я.— Снача́ла он не нагиба́лся. Он так специа́льно де́лал. Чтоб всех фаши́стов запу́тать. Вот они́ все и запу́тались. Все нагиба́ются, а он нет. Тут мо́жно любо́го запу́тать...

Бра́тья Изма́йловы раскры́ли рты, а я был о́чень дово́лен, как бу́дто я, а не па́па, палю́ в фаши́стов, вот здесь, пря́мо на э́той ле́стнице. Мне да́же ста́ло жа́рко.

— Так вот он не нагиба́лся снача́ла, а по́сле стал нагиба́ться, он ви́дит, в него́ кто́-то це́лится, пря́мо из пулемёта, он сра́зу — раз! — и нагну́лся. И все пу́ли ми́мо. Пото́м ви́дит: в него́ из винто́вки це́лятся, он сно́ва — раз! — и нагну́лся. Он-то зна́ет, когда́ нагиба́ться! А когда́ не нагиба́ться. Пото́м он дава́й вовсю́ из автома́та — как из поliва́льной маши́ны — жжжжых! А не́мцы-то, не́мцы оди́н за други́м так и ва́лятся, так и ва́лятся, це́лые го́ры... Пото́м в па́пу грана́ту ки́нули — он ка-ак отпры́гнет в сто́рону...— Тут я хоте́л показа́ть, как отпры́гнул мой па́па в сто́рону, но забы́л, что стою́ на ступе́ньке, и полете́л вниз по ле́стнице...

А дя́дя Али́ поднима́лся.

— Что ты, Пе́тя,— сказа́л он,— куда́ лети́шь?

Он схвати́л меня́ за руба́шку. Поста́вил на́ ноги и сказа́л:

— Поздра́вь, Пе́тя, е́ду и я на войну́, на подмо́гу Воло́де...

Я растеря́лся и говорю́:

— До свида́ния, дя́дя Али́...

25

НА КРЫШЕ

Когда́ дя́дя Али́ уезжа́л, он сказа́л ма́ме: «Встре́чу Воло́дю, приве́т переда́м. Ещё что переда́ть?» Ма́ма ста́ла сто́лько передава́ть, что дя́дя Али́ сказа́л: «Хва́тит, заче́м сто́лько передава́ть?» А ма́ма сказа́ла: «Нет, переда́й, пожа́луйста, всё переда́й». Тогда́ дя́дя Али́ сказа́л: «А как же, обяза́тельно переда́м».

Я проси́л переда́ть па́пе, что, когда́ вы́расту, то́же прие́ду на фронт, на подмо́гу, а дя́дя Али́ сказа́л: «Ну, дорого́й, тогда́ война́ ко́нчится». Я говорю́: «А мо́жет, не ко́нчится?» Он говори́т: «Дорого́й, заче́м я тогда́ е́ду?» — «Ну и что же,— говорю́,— что

вы туда́ е́дете, вы же оди́н ничего́ не зна́чите».— «Как э́то так, ничего́ не зна́чу? Оди́н не зна́чу, а вме́сте с Воло́дей зна́чу».

Мы проводи́ли дя́дю Али́. Все на фронт уезжа́ют, оди́н за други́м. То́лько я остаю́сь, да стари́к Ли́верпуль, да ещё ма́ма, Бо́ба, Фатьма́ Хану́м...

Все на фронт уезжа́ют. Стари́к Ли́верпуль говори́т:

— Я тепе́рь не пью. Не могу́ пить, и всё. Я пью, когда́ у меня́ прекра́сное настрое́ние. А сейча́с у меня́ мо́жет быть прекра́сное настрое́ние? Как бы не так! Не́ту у меня́ тако́го настрое́ния!

— Это хорошо́,— говорю́,— что вы не пьёте. Моя́ ма́ма о́чень дово́льна.

— Ааа...— говори́т Ли́верпуль,— при чём тут твоя́ ма́ма... что ты тут понима́ешь...

Стари́к Ли́верпуль идёт на кры́шу. Он там сего́дня дежу́рит. Тепе́рь все дежу́рят на кры́шах. Там, на кры́ше, я́щики с песко́м и бо́чки с водо́й, и лопа́ты и большу́щие кле́щи, что́бы хвата́ть э́тими клеща́ми зажига́тельные бо́мбы и топи́ть их в бо́чке с водо́й. Пра́вда, бо́мбы пока́ что не па́дали, но упаду́т же когда́-нибудь! Для чего́ же тогда́ кле́щи? Вчера́ Ли́я Петро́вна сказа́ла: «Я не могу́ дежу́рить, у меня́ появля́ется сла́бость...» Тогда́ Ли́верпуль говори́т: «Дава́йте я бу́ду за вас дежу́рить». Позавчера́ тётя Ма́йя сказа́ла: «У меня́ голова́ кру́жится...» Ли́верпуль говори́т: «Дава́йте я бу́ду за вас дежу́рить».

Я бы то́же за всех дежу́рил. Но мне не разреша́ют. Де́тям нельзя́ на кры́шу. Мы с Бо́бой должны́ сиде́ть до́ма, а е́сли трево́га,— скоре́й одева́ться, бежа́ть в подва́л, то есть в бомбоубе́жище. Кто захо́чет сиде́ть в подва́ле, когда́ есть в на́шем до́ме кры́ша?

Ма́ма моя́ у Фатьмы́ Хану́м. Они́ там сейча́с бесе́дуют. А я бегу́ на кры́шу. Там, на кры́ше, стари́к

Ли́верпуль. Он бу́дет гнать меня́, я э́то зна́ю, но я не о́чень-то слу́шаюсь.

Вон он стои́т, освещённый луно́й. Звёзд на не́бе полно́. И прожекторо́в полно́. Не́бо сло́вно живо́е — колы́шется. Где́-то гуди́т самолёт. Бьют зени́тки. Стари́к Ли́верпуль смо́трит вверх на не́бо. Вот он надева́ет очки́. Опя́ть смо́трит на не́бо. Блести́т при луне́ его́ лы́сина. Боро́дка крючко́м ещё бо́льше загну́лась. Я краду́сь сза́ди к нему́. Но он слы́шит мои́ шаги́. Оберну́вшись, стари́к Ли́верпуль говори́т:

— Ну́-ка, Пе́тя, домо́й!

— Вам мо́жно,— говорю́,— а мне нельзя́?

— Я суро́вый челове́к,— говори́т Ли́верпуль.

— Поймайте меня́,— говорю́,— е́сли мо́жете.

— И не поду́маю,— говори́т он.

— Как хоти́те,— говорю́.

— Отца́ нет,— говори́т Ли́верпуль,— распусти́лся...

— Вы,— говорю́,— напра́сно меня́ го́ните, потому́ что мне здесь бо́льше нра́вится, чем в ду́шном бомбоубе́жище. Что там сиде́ть, не пойму́! Не́мцы, что ли, на нас наступа́ют?

— А ты ду́мал, нет? — говори́т Ли́верпуль.— Наступа́ют.

— Что́-то не ви́дно. Где же они́ наступа́ют?

— Не дай бог, что́бы ты их уви́дел.

— Кто их пу́стит сюда́? Никто́ не пу́стит. Вот и дя́дя Али́ пое́хал. Они́ с па́пой даду́т им жи́зни!

— Дай бог, что́бы Воло́дя верну́лся, дай бог, тяжело́ там сейча́с, тяжело́...

— Почему́ э́то он не вернётся?

— Нет, он вернётся, он безусло́вно вернётся...

— А ко́шкам зимо́й не хо́лодно? — спра́шиваю я.

— Нет, сынок, не хо́лодно,— говори́т Ли́верпуль.

— А почему́?

— Потому́ что их шку́ра гре́ет.

— А у люде́й,— говорю́,— шку́ры нет, то́лько ко́жа...

— Вот ещё,—говори́т Ли́верпуль,— заче́м лю́дям шку́ра?

— Как заче́м,— говорю́,— о́чень стра́нный вопро́с! Если б я име́л ко́шкину шку́ру — не шу́тки ведь!

— Отста́нь от меня́! — говори́т Ли́верпуль.— Ты что приста́л ко мне с э́той шку́рой? Како́е мне де́ло до ко́шек!

Я говорю́:

— Это ве́рно, заче́м лю́дям шку́ра...

— Отвяжи́сь от меня́! Убира́йся домо́й!

Я подожда́л, пока́ он успоко́ится. Он успоко́ился и говори́т:

— Ты ведь зна́ешь, сыно́к, у меня́ боли́т се́рдце... иди́-ка ты спать, смотри́, как зева́ешь!

Мне совсе́м не хоте́лось спать. Ма́ло ли что я зева́ю!

— Заче́м лю́ди вою́ют? — говорю́ я.

— Война́ — э́то несча́стье всем лю́дям. Нача́ть войну́... Ра́зве есть в э́том здра́вый смысл? Нет, сыно́к, в э́том нет здра́вого смы́сла... А ме́жду тем лю́ди — са́мые развиты́е существа́ на земле́...

— И я са́мый развито́й?

— И ты, то́лько ты ещё мал.

— И дя́дя Го́ша са́мый развито́й?

— Наве́рно, и он, а как же.

Я хоте́л ещё что́-то спроси́ть, как вдруг слы́шу го́лос Бо́бы. Мой брат Бо́ба откры́л люк на кры́шу, но влезть на кры́шу не мо́жет.

— Уйди́ отсю́да! — кричу́ я.

— Мне интере́сно! Мне интере́сно! — кричи́т Бо́ба.

Я с трудо́м тащу́ Бо́бу домо́й. Он, как всегда́, упира́ется.

— И я то́же,— кричи́т он,— хочу́ туши́ть бо́мбы!

Ма́ма ещё у Фатьмы́ Ханум. На кры́шу уж мне всё равно́ не уйти́: Бо́ба сле́дом увя́жется. Мы раздева́емся. Ложи́мся спать.

Я ви́жу во сне старика́ Ли́верпуля.

...Он стои́т одино́ко на кры́ше. А вокру́г страши́лища. Они́ хотя́т съесть Ли́верпуля. Это са́мые неразвиты́е существа́ на земле́.

Стари́к Ли́верпуль берёт кле́щи.

«Я суро́вый челове́к!» — говори́т Ли́верпуль.

А страши́лища всё наступа́ют.

«Убира́йтесь домо́й!» — говори́т Ли́верпуль.

Он кида́ется с клеща́ми на страши́лищ. Но страши́лищ мно́го. Они́ ползу́т к Ли́верпулю. Куда́ ни глянь — всю́ду страши́лища.

Я бегу́ на подмо́гу. Хвата́ю я́щик с песко́м. И кида́ю в глаза́ страши́лищ. Все страши́лища ослеплены́. Тепе́рь мы победи́м. Вперёд! Ура́! Ли́верпуль ло́вит клеща́ми страши́лищ — раз-два! — и пря́мо в бо́чку с водо́й! Я ему́ помога́ю лопа́той.

«Вот так! — кричу́ я.— Вот так! Вот тебе́! Вот тебе́! Всех страши́лищ в бо́чку с водо́й!..»

26

БЕТХОВЕН! БАХ! МОЦАРТ!

— Про́сто удиви́тельно,— говори́т ма́ма,— что нам не́чего прода́ть! Как мо́жно бы́ло так жить! Вот сейча́с э́та война́, а нам не́чего да́же прода́ть! У ка́ждой поря́дочной семьи́, на слу́чай войны́ и́ли там на друго́й худо́й слу́чай, безусло́вно всегда́ что́-нибудь есть прода́ть. А нам — ну про́сто не́чего, ра́зве то́лько рояль и но́ты... Всё круго́м дорожа́ет, а де́ньги где взять? Ваш оте́ц винова́т, безала́берный был челове́к, вот кто жить не уме́л! У Рза́евых серви́зы, они́ мо́гут их прода́ть. А чего́ то́лько нет у Добру́шкиных! У всех есть что прода́ть! Воло́дя не мог жить, как живу́т

у́мные лю́ди. У ка́ждой уважа́ющей себя́ семьи́ есть что прода́ть на слу́чай войны́ и́ли там на друго́й худо́й слу́чай...

Я всё вре́мя хочу́ обе́дать. Всё вре́мя мне хо́чется есть. Я съел бы сейча́с не то́лько борщ. Не то́лько суп и котле́ты. Я съел бы большо́й кусо́к хле́ба.

Хлеб мо́жно купи́ть на база́ре. Но о́чень до́рого сто́ит. Мой брат Бо́ба пла́чет, когда́ хле́ба нет,— тогда́ мы идём на толку́чку.

Пыль там всегда́ столбо́м, и со́лнце печёт, и галдёж — про́сто жуть! Мы с ма́мой там расстила́ем ко́врик, на ко́врик кладём на́ши но́ты (па́пины но́ты), и ма́ма кричи́т:

— Бетхо́вен! Бах! Мо́царт!

Втроём мы сиди́м на ко́врике.

— Клеме́нти! Клеме́нти! — ору́ я.

Я тепе́рь не игра́ю Клеме́нти. Я тепе́рь вообще́ ничего́ не игра́ю. Когда́ па́па уе́хал, я, пра́вда, игра́л, но всё ме́ньше и ме́ньше. Ма́ма, пра́вда, руга́ла меня́, а пото́м переста́ла. Она́ про́сто уста́ла меня́ руга́ть. Ма́ма хо́чет прода́ть роя́ль, а раз так, то заче́м э́ти но́ты. Всё равно́ ма́ма прода́ст роя́ль.

— Бетхо́вен! Бах! Мо́царт!

Толкотня́-то кака́я! Мы, пра́вда, непло́хо устро́ились. Мы пришли́ ра́но. Расстели́ли свой ко́врик. Все, кто ра́но пришёл, расстели́ли здесь ко́врики. Ча́сто ко́врик наш то́пчут нога́ми. Тогда́ я кричу́:

— Осторо́жно!

Но в о́бщем-то мы хорошо́ устро́ились. Попро́буйка тут проходи́ це́лый день!

— Клеме́нти! Клеме́нти!

— Са́хар! Са́хар!

— Ко́фточки! Ко́фточки!

— Пирожки́! Пирожки́!

— Бетхо́вен! Бах! Мо́царт!

— Америка́нские штаны́! Чисте́йшие америка́нские штаны́ из англи́йского материа́ла!

— Не рва́ная, не но́вая, отли́чная руба́шка!

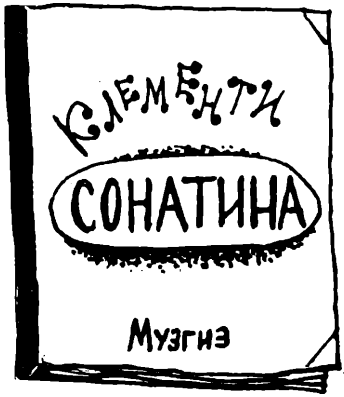
— Сто отда́шь — пятьсо́т вы́играешь!

— Купи́те! Купи́те! Купи́те!

— Клеме́нти! Клеме́нти! Клеме́нти!

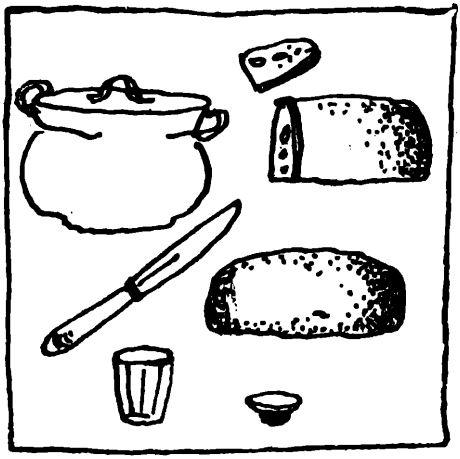
— Бетхо́вен! Бах! Мо́царт!

Когда́ хле́ба нет, я не пла́чу. Вернётся мой па́па, он мне привезёт мно́го хле́ба. И мандари́ны, больши́е, ора́нжевые мандари́ны...



27

ОЛИМПИАДА ВАСИЛЬЕВНА И МАМА



Моя́ ма́ма тепе́рь курье́р. Я помога́ю ма́ме. Мы вме́сте с ма́мой разно́сим бума́жки, ра́зные там докуме́нты. Бо́ба сиди́т с Фатьмо́й Хану́м. Це́лый день мы разно́сим бума́жки, сдаём по́чту, хо́дим по учрежде́ниям. А в воскресе́нье идём на толку́чку. Там мы продаём на́ши но́ты. У ма́мы замеча́тельная рабо́та. На рабо́те даю́т обе́ды. Мо́жно брать ско́лько хо́чешь супо́в. Мы взя́ли двена́дцать супо́в! Это це́лая огро́мная кастрю́лька. Мы несём э́ту кастрю́льку и ра́дуемся. Слы́шно, как бу́лькает суп. Это суп с лапшо́й. Мы сольём жи́дкость и вы́нем лапшу́, а из лапши́ испечём пы́шки. Пы́шек вы́йдет, наве́рно, нема́ло. Как-ника́к — двена́дцать супо́в! Поря́дочно. Ка́ждому по

три пы́шки. Или же по четы́ре. По ско́льку же вы́йдет пы́шек?

— Не плеска́й,— говори́т ма́ма,— будь осторо́жен!

— Доро́гу,— кричу́ я,— доро́гу!

Никто́ не зна́ет, что́ мы несём. Все ду́мают, э́то просто́й обе́д. А э́то двена́дцать супо́в. Ви́дел бы нас сейча́с па́па. «Вот молодцы́,— сказа́л бы он.— Сто́лько су́па! Неси́, Пе́тя, не вы́плескай, ну, молодча́га, Пе́тя. Я ви́жу, ты ма́льчик хоро́ший. Ты помога́ешь ма́ме. Ты молодча́га, Пе́тя!»

Мы подхо́дим к на́шему до́му.

Нас ждёт Олимпиа́да Васи́льевна.

— Здра́вствуйте,— говори́м мы.

— Здра́вствуйте,— говори́т Олимпиа́да Васи́льевна.

Мы прохо́дим в ко́мнату.

— Вот тут,— говори́т Олимпиа́да Васи́льевна,— я принесла́ ребя́там...

Мы смо́трим на свёрток в её рука́х.

— Что э́то? — спра́шивает ма́ма.

— Тут две бухáнки... вот, пусть ребя́та возьму́т... э́то хлеб...

— Две бухáнки,— говори́т ма́ма.— Так мно́го... так до́рого сто́ят...

Мы с Бо́бой берём по бухáнке.

— Я вам ещё принесу́,— говори́т Олимпиа́да Васи́льевна.

Ма́ма. Ну, как там Го́ша?

Олимпиа́да Васи́льевна. Вы скажи́те мне, как Воло́дя...

Ма́ма. Опя́ть не пи́шет...

Олимпиа́да Васи́льевна. Ну ничего́, напи́шет.

Ма́ма. Беспоко́юсь я.

Олимпиа́да Васи́льевна. Ну, э́то вы зря.

Ма́ма. Да вот то́лько несча́стье у нас. Мы тут но́ты про́дали. Свои́ и чужи́е. Так вот, там бы́ли но́ты Добру́шкиной... вы не зна́ете э́ту Добру́шкину... так вот, она́ в суд пода́ть хо́чет... «Отда́йте, кричи́т, мои́ но́ты! Где мои́ но́ты?» А я их продала́ случа́йно...

Олимпиа́да Васи́льевна. Я одолжу́ вам де́нег. Вы ей отда́йте, и всё...

Ма́ма. Вот спаси́бо! Но я не смогу́ верну́ть ско́ро... Если ва́шему сы́ну, Олимпиа́да Васи́льевна, ну́жно занима́ться, пусть он прихо́дит, я кое-что́ покажу́ ему́, я ведь то́же учи́лась, хотя́ консервато́рии и не ока́нчивала...

Олимпиа́да Васи́льевна. Спаси́бо, Валенти́на Никола́евна, он у нас бро́сил му́зыку. Не лю́бит он му́зыку... А вернёте пото́м. Вот прие́дет Воло́дя...

Ма́ма. Ой, то́лько бы он верну́лся... Мой Пе́тя то́же не лю́бит му́зыку. Они́ все не лю́бят. Тут у них не́чего спра́шивать, ну́жно учи́ть. А то пото́м ска́жет: «Я был тогда́ ребёнком, я не понима́л, ну́жно бы́ло меня́ заставля́ть». Сейча́с-то война́, не до му́зыки...

Олимпиа́да Васи́льевна. Мо́жет, вы и пра́вы.

Ма́ма. Безусло́вно права́.

Олимпиа́да Васи́льевна. Воло́де приве́т от меня́. Не забу́дьте. Он золото́й челове́к. Мне ва́ша семья́ о́чень нра́вится.

Ма́ма. Это пра́вда. Семья́ у нас хоть куда́! Прода́ть не́чего...

Олимпиа́да Васи́льевна. Нет, вы э́то напра́сно...

Ма́ма. Пусть бу́дет напра́сно. А что Го́ша? Что он не зашёл? Мне ваш Го́ша о́чень нра́вится. Он тако́й энерги́чный!

Олимпиа́да Васи́льевна. Наболта́л он

тогда́. Он всегда́ так, болта́ет, болта́ет, пото́м говори́т: «И заче́м я тогда́ болта́л?»

Ма́ма. Чего́ болта́л?

Олимпиа́да Васи́льевна. По-ва́шему, он ничего́ не болта́л? *(Смеётся.)* Вот ви́дите, а он пережива́л.

Ма́ма. Что вы, Олимпиа́да Васи́льевна! Я про́сто вас не пойму́. Вы меня́ расстра́иваете...

Олимпиа́да Васи́льевна. Заче́м ва́м-то расстра́иваться? Это мне ну́жно расстра́иваться. А вам не́чего расстра́иваться. Не забу́дьте приве́т Воло́де. Я о́чень прошу́, не забу́дьте. И не расстра́ивайтесь...

Ма́ма. А ва́м-то чего́ расстра́иваться, Олимпиа́да Васи́льевна?

Олимпиа́да Васи́льевна *(заду́мчиво)*. Когда́ начала́сь э́та война́, мой Го́ша отпра́вил все ве́щи, всю ме́бель куда́-то к родны́м. Он боя́лся налётов. «Наш го́род бу́дут бомби́ть в пе́рвый день!» — ора́л он. А вы́шло наоборо́т. Все ве́щи его́ там сгоре́ли. Все шкафы́ разбомби́ли...

Ма́ма. Кака́я доса́да!

Олимпиа́да Васи́льевна. Я не за ве́щи расстра́иваюсь. Что мне ве́щи! Я за Го́шу расстра́иваюсь. Ну что э́то за челове́к!

Ма́ма. Он про́сто оши́бся...

Олимпиа́да Васи́льевна. Оши́бся? Ах, он оши́бся!

Она́ надева́ет перча́тки.

— До свида́ния, Валенти́на Никола́евна,— говори́т она́.— До свида́ния, де́ти. Приве́т от меня́ Воло́де.

28

Я ВСТРЕЧАЮ ДЯДЮ ГОШУ

Мы стоя́ли на углу́ у́лицы. Дя́дя Го́ша хло́пал меня́ по плечу́:

— Вот так встре́ча! Давно́ не вида́ть! Ты, Петро́, не серди́сь, небо́сь се́рдишься? Ты приходи́. Я конфе́т дам.

— Я не сержу́сь,— говорю́,— а конфе́т не хочу́.

— Ну и не серди́сь. Мал ещё серди́ться. А я ско́ро, брат, катану́!

— Как катанёте?

— Не как, а куда́. В бой, коне́чно, куда́ же ещё! В бой пора́, в бой! Ну, как оте́ц? Всё воюет? Он бое-

во́й челове́к, боево́й. Воя́ка! Ты пи́сьма-то пи́шешь отцу́? Ты пиши́ ему́ пи́сьма. Оте́ц ведь. Скажи́: так, мол, и так, встре́тил Го́шу... А мать как? Ничего́, жива́? Мда... Вот таки́е дела́, а я ско́ро отпра́влюсь... Мы ведь с тобо́й мужчи́ны. Защи́та оте́чества есть что? Есть свяще́нный долг. Не так ли? Мы понима́ть должны́. А ра́зве мы не понима́ем? Мы всё понима́ем. И то, что отступа́ют на́ши. И то, что герма́нец да́вит. Когда́ я пла́вал на голу́бке «Ку́ин Ме́ри»...

— Это вы расска́зывали,— говорю́.

— Неуже́ли расска́зывал? Зна́чит, запа́мятовал. Так вот. Долг есть долг. Мы должны́ выполня́ть свой долг. В бы́тность свою́ моряко́м по́мню слу́чай... лиа́ны, магно́лии... то есть мы, зна́чит, кре́пко застря́ли...

— Где застря́ли?

— Изве́стно где, на мели́ — где же мо́жно застря́ть! — и ни с ме́ста. Тогда́ капита́н говори́т (ста́рый волк был!): «Всю кома́нду на мель!» — говори́т. Ну, мы все вы́шли на мель. И стоим на мели́. Все по го́рло в воде́. А ну́жно сказа́ть, вода́ — лёд. «Толка́ть кора́бль!» — кричи́т капита́н. И предста́вь себе́, па́рень, мы взяли́сь и поднажа́ли как сле́дует, и наш кора́бль пошёл... Си́ла, брат, коллекти́в! А е́сли мы бу́дем сиде́ть сложа́ ру́ки, что бу́дет? Что бу́дет тогда́, мой друг? Тем бо́лее е́сли война́. И защи́та оте́чества.

Всё вре́мя он хло́пал меня́ по плечу́. Да́же мне бо́льно ста́ло. Всё хло́пает, хло́пает.

— Это непра́вда,— говорю́,— что большо́й кора́бль с ме́ста столкну́ли. Ра́зве тако́е мо́жет быть?

— Я ра́зве сказа́л, что большо́й кора́бль? Кто сказа́л, что большо́й кора́бль? Кора́бль был не большо́й, но поря́дочный. Ты мне что, не ве́ришь? Мал ещё ста́ршим не ве́рить!

Я молча́л.

— А у меня́, брат, несча́стье,— сказа́л вдруг он.— У меня́ большо́е несча́стье.

— Слы́шал я про ва́ше несча́стье.

— Ты слы́шал? Где ты слы́шал?

— Слы́шал, и всё.

— Где ты мог слы́шать?

У него́ был испу́ганный вид.

— Все говоря́т,— совра́л я.

— Не мо́жет быть!

Он си́льно расстро́ился. Стал како́й-то печа́льный. Мне да́же его́ жа́лко ста́ло.

— Никто́ не говори́т, э́то я так.

Он на меня́ покоси́лся и говори́т:

— Как тебе́ не сты́дно! Это дура́цкая привы́чка!

Мне совсе́м не́ было сты́дно. Но я молча́л. Я ду́мал, е́сли я бу́ду молча́ть, он скоре́е ко́нчит расска́зывать. Я мог и так уйти́, но как-ника́к он разгова́ривал.

— Мда...— сказа́л он, заду́мавшись. Пото́м вдруг махну́л руко́й.— Ну, беги́ домо́й...

29

КАРНАВАЛ

Там в за́ле стои́т на́ша ёлка — большу́щая, я́ркая.

Заня́тий сего́дня не́ было. Потому́ что ве́чером пра́здник — больша́́й карнава́л. У кого́ есть костю́мы — наде́нут костю́мы. У кого́ нет — так приду́т. Я люблю́ карнава́л. Все вокру́г хо́дят в ма́сках, так интере́сно! То́лько жа́лко, что ре́дко быва́ет. Це́лый год ждать прихо́дится.

Когда́ мы выходи́ли из кла́сса, Пал Па́лыч меня́ подозва́л и сказа́л:

— У тебя́, Пе́тя, есть костю́м?

— Нет,— говорю́,— у меня́ нет костю́ма.

— Шко́ла тебе́ даст костю́м. Я там сейча́с смотре́л, есть чуде́сный костю́м.

Я так обра́довался! Ещё бы! Мне шко́ла даст костю́м, и я приду́ в костю́ме!

— А како́й,— говорю́,— костю́м?

— Костю́м замеча́тельный,— говори́т Пал Па́лыч,— настоя́щего кло́уна. И жабо́ и всё тако́е.

— Како́е жабо́? — говорю́.

— Ах, ты не зна́ешь, что зна́чит жабо́! Это, Пе́тя, тако́й воротни́к, как у кло́унов, да ты сейча́с уви́дишь...

— Ой, — говорю́,— я хочу́ жабо́!

— Ну и чуде́сно! Пошли́ за мной.

Мы прошли́ с ним в кладову́ю. Пал Па́лыч там вы́брал костю́м — вот э́то был костю́м! Пе́рвым де́лом — колпа́к, весь в серебряных звёздах. Вторы́м де́лом — штаны́, не каки́е-нибудь там штаны́, а все в кле́тку, как бу́дто бы ша́хматы. И ещё ку́ртка в кра́сных круга́х. И жабо́. У меня́ пря́мо дух захвати́ло, когда́ я жабо́ уви́дел. Вот э́то я понима́ю — жабо́! Хоть сейча́с пря́мо в цирк выступа́ть. Я цирк люблю́. Люблю́ циркаче́й и вое́нных! Да́же тру́дно сказа́ть, кого́ бо́льше. Но циркаче́й я люблю́, э́то то́чно. Когда́ вы́расту, в цирк пойду́, бу́ду рабо́тать там кло́уном. Бу́ду знамени́тый кло́ун. Как наш знамени́тый Горхма́з. Пра́вда, он не совсе́м знамени́тый, но всё-таки он знамени́тый. Ему́ весь цирк хло́пает...

— Ну как? Не вели́к? — говори́т Пал Па́лыч.

— Что вы,— говорю́,— как раз! — Я испуга́лся, что вдруг он мне бу́дет вели́к и мне не даду́т его́.

— Ну, я о́чень рад. Забира́й свой костю́м. Ты ведь зна́ешь, когда́ нача́ло?

Коне́чно, я знал, когда́ нача́ло. Как мо́жно не знать!

Я забы́л да́же сказа́ть «спаси́бо».

Когда́ я наде́л до́ма э́тот костю́м и жабо́, и колпа́к и стал смотре́ть в зе́ркало, я стал стро́ить ро́жи, крив-ля́ться и всё смотре́л и смотре́л на себя́, удивля́ясь всё бо́льше, каки́е замеча́тельные быва́ют на све́те костю́мы!

Я обе́дал в э́том костю́ме. Да́же колпа́к не снял, так в колпаке́ и обе́дал.

— Сними́ малаха́й-то свой,— сказа́ла ма́ма.

Это она́ про колпа́к так сказа́ла.

Я всё бы́стро съел и колпа́к не снял.

Пото́м я вы́шел во двор. Мой костю́м всех пораз-и́л. Пра́вда, кто́-то сказа́л из окна́:

— Да ты что, одуре́л! Ведь зима́ на дворе́!

Но я не обрати́л внима́ния. Мне совсе́м не́ было хо́лодно. Я ходи́л, высоко́ подня́в го́лову. За мной шли бра́тья Изма́йловы. Весь двор смотре́л на меня́.

Я ещё до́лго ходи́л бы. Не так уж мне хо́лодно бы́ло. Но ма́ма взяла́ меня́ за́ руку. И притащи́ла домо́й.

Весь день я не снима́л костю́м. Выступа́л перед ма́мой, кривля́лся, пры́гал че́рез скаме́йку, снима́л колпа́к и станови́лся на́ голову. Что я то́лько не де́лал!

В три часа́ я наде́л пальто́, ша́пку, колпа́к взял под мы́шку и вы́шел.

У вхо́да в шко́лу наде́л ма́ску. Никого́ ещё не́ было. Я пришёл ра́ньше всех.

Я до́лго ходи́л по шко́ле. По этажа́м, по всем ле́-стницам, по пусты́м кла́ссам.

В одно́м кла́ссе была́ тётя Да́ша. Она́ убира́ла класс. Тётя Да́ша меня́ не узна́ла. Ещё бы! Ведь я был в ма́ске. Но костю́м ей, наве́рно, понра́вился. Потому́ что она́ улыбну́лась.

Я всё стоя́л и стоя́л в дверя́х. Мо́жет, что́-нибудь

ска́жет, похва́лит костю́м. Тогда́ тётя Да́ша сказа́ла: «Иди́, ми́лый, отсю́да, гляди́, пыль кака́я...»

Я пошёл в зал, где ёлка. Там уже́ бы́ло мно́го ребя́т. Игра́л орке́стр. Лете́л серпанти́н. Пе́ли пе́сни. Карнава́л уже́ начался́. Каки́х то́лько костю́мов тут не́ было! И Бурати́но с дли́нным но́сом, и три мушкетёра, и Зо́лушка, и Карраба́с Бараба́с, и каза́к в бу́рке. Пра́вда, бу́рка была́ из карто́на, зато́ ша́шка что на́до! Как настоя́щая ша́шка. Ша́шка тащи́лась по́ полу, а сам каза́к ходи́л осторо́жно, чтоб бу́рка с него́ не свали́лась, он всё поправля́л её. Пото́м в зал въе́хал конь со вса́дником. Я вовсю́ смея́лся. Тем бо́лее, что тот, кто был ло́шадью, вдруг ма́ску снял и сказа́л: «Мне так не ви́дно!» И мы все узна́ли Гриша́ткина. Вот так ло́шадь! А тот, кто сиде́л на Гриша́ткине, слез с него́ и говори́т: «Эх ты, Ко́лька, не мог потерпе́ть! Мо́жет быть, нам бы пре́мию да́ли!» Но ма́ску не снял, и мы его́ не узна́ли. Гриша́ткин встал и ушёл, а вса́дник за ним пошёл. Ну, сме́ху бы́ло!

Пал Па́лыч уви́дел меня́ и спроси́л:

— Ну как?

— Очень смешно́,— говорю́.

Кто́-то сказа́л Пал Па́лычу:

— Поду́мать то́лько: где́-то война́, а здесь всё свои́м чередо́м...

Я пошёл казака́ иска́ть.

Наро́ду ещё приба́вилось. Я не нашёл его́ сра́зу. Вдруг слы́шу, кто́-то зовёт меня́. Да э́то же сам каза́к! Это Ми́шка, сын дя́ди Го́ши! Я по го́лосу сра́зу узна́л.

— Это ты? — говори́т.— Ишь ты како́й!

— Я,— говорю́,— знамени́тый кло́ун! Сын Горхма́за!

Он говори́т:

— А я знамени́тый каза́к! Ты мою́ ша́шку ви́дел?

— А э́то ви́дел? — говорю́.— Жабо́!

— Жабо́?

— Вот и́менно,— говорю́,— жабо́, а не что́-нибудь!

Он засмея́лся и говори́т:

— Жа́ба! Жа́ба!

— Не жа́ба, а жабо́! — говорю́.— Дура́к ты!

— Как ты сме́ешь мне так говори́ть! — и за ша́шку хвата́ется.

Пото́м мы помири́лись, и он говори́т:

— А ну покажи́ жабо́! Хоро́шее жабо́.

— А у тебя́,— говорю́,— ша́шка хоро́шая. Мне твоя́ ша́шка нра́вится. То́лько бу́рка твоя́ мне не нра́вится.

— Да, бу́рка у меня́ нева́жная, всё вре́мя ва́лится. Поплеса́ть хо́чется, а нельзя́. Мо́жно то́лько ходи́ть, и то ме́дленно...

— Да сними́ ты её,— говорю́,— и всё!

— Како́й же тогда́,— говори́т,— я каза́к бу́ду!

— Был,— говорю́,— казако́м, и хва́тит.

— А ты жабо́ своё сни́мешь?

— Заче́м мне жабо́ снима́ть, е́сли оно́ не меша́ет.

— Как хо́чешь,— говори́т,— а я свою́ бу́рку сниму́. Надое́ла мне э́та бу́рка!

Он о́тдал её первокла́сснику. А тот её бро́сил. Тогда́ он позва́л Зо́лушку и говори́т:

— Вот тебе́, держи́...

И мы с ним побежа́ли к ёлке.

У меня́ ста́ло тако́е хоро́шее настрое́ние! Мы так плеса́ли, что да́же игру́шки попа́дали. Не все игру́шки попа́дали. Но две-три игру́шки упа́ли. Пото́м их обра́тно пове́сили. А каки́е мы пе́ли пе́сни! Мы пе́ли: «Ёлка, ёлка, зелёная иго́лка», и «В лесу́ роди́лась

ёлочка», и «Ёлки, ёлки, каки́е ёлки!», и «Но́вый год, но́вый год мно́го сча́стья принесёт»...

Весёлый был карнава́л!

Обра́тно мы шли вме́сте с Ми́шкой. Он мне про отца́ расска́зывал, про дя́дю Го́шу. Про то, что он хо́чет уе́хать куда́-то, совсе́м в друго́й го́род, поско́льку он здесь засы́пался, а как засы́пался, Ми́шка не знал, он то́лько знал, что засы́пался. А мать его́ е́хать не хо́чет. Поско́льку она́ не засы́палась. А Ми́шка ждёт не дождётся. Он путеше́ствовать лю́бит.

Мы всю доро́гу смея́лись. Всё карнава́л вспомина́ли. Сто́лько я никогда́ не смея́лся. Я про всё на све́те забы́л. Я да́же забы́л снять колпа́к. Так и шёл в колпаке́.

Ра́достный, я вбежа́л в ко́мнату. Я всё не снима́л колпа́к. С него́ стека́ла вода́. На у́лице шёл мо́крый снег. На столе́ я уви́дел запи́ску. Не запи́ску, каку́ю-то про́сто бума́жку. Я стал чита́ть:

...Войскова́я часть № 15/40 извеща́ет Вас, что
Ваш муж геро́йски поги́б в боя́х под Москво́й...
Числа́..., Го́да. Похоро́нен в дере́вне Дубки́.

30

1 ЯНВАРЯ

...Па́па мой украша́ет ёлку. Снача́ла мы украша́ли все вме́сте — я, ма́ма, Бо́ба и па́па, пото́м мы пошли́ спать, а па́па оста́лся. Он ходи́л вокру́г ёлки на цы́почках и говори́л сам с собо́й. Но я слы́шал, что он говори́л, хотя́ он говори́л о́чень ти́хо, я ви́дел его́ и слы́шал: «Вот э́тот за́яц пойдёт сюда́, нет, пожа́луй, сюда́... а вот э́тот шар перевёсим вот так... ну, а э́то уже́ никуда́ не годи́тся — три ша́ра вме́сте! Куда́ ни шло — два, но не три же! Мы их перевёсим...» — «Иди́ спать»,— говори́т ему́ ма́ма. «Спи́те, спи́те,— говори́т он,— я хочу́ э́тот шар перевёсить. И вот э́ту

гру́шу...» Пото́м он сади́тся на стул. До́лго смо́трит на ёлку...

Это бы́ло в про́шлом году́.

Бо́льше я не уви́жу па́пу.

Мой па́па уби́т.

Мне каза́лось, война́ — э́то что́-то тако́е, где пали́т пу́шки, и мча́тся та́нки, и па́дают бо́мбы, и ничего́ не случа́ется. Про́сто пу́шки пали́т, та́нки мча́тся, бо́мбы па́дают, и ничего́ не случа́ется. Кричи́т «ура́» и побежда́ют.

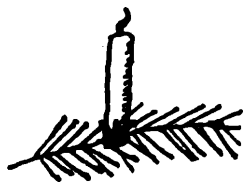
Я стою́ на балко́не. Гляжу́ сквозь ве́тви на у́лицу. Ви́жу снег, и люде́й, и маши́ны, и мне ка́жется, я жду па́пу... Вот сейча́с вы́йдет он из-за угла́...

Но мой па́па уби́т.

Па́па мой похоро́нен.

Я ухожу́ с балко́на. Трево́га. Во́ет сире́на.

Ма́ма, Бо́ба и я идём в бомбоубе́жище.



ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

(через пять лет)

— Па́па! Па́па! — крича́ли бра́тья Изма́йловы.

Дя́дя Али́ пришёл с войны́. Сверка́ли его́ ордена́ и меда́ли. Он о́бнял меня́. Пото́м он о́бнял ма́му.

— Прошу́ всех на кры́шу! — сказа́л Ли́верпуль.

Все пошли́ на кры́шу.

Была́ побе́да. Салю́т. Ра́дость. Цветы́. Со́лнце. Си́нее мо́ре...

— Ура́! — ора́л Бо́ба.— Ура́!

Возвраща́лись домо́й солда́ты.

Но мой па́па, мой до́брый па́па, он никогда́ не вернётся...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Я не хочу́ обе́дать 3
2. Сосе́ди 9
3. На балко́не 14
4. Мой па́па идёт дирижи́ровать 17
5. Па́па там, а мы здесь 21
6. Воскресе́нье 25
7. Мой па́па пи́шет му́зыку 30
8. Олимпиа́да Васи́льевна и дя́дя Го́ша 33
9. Стари́к Ли́верпуль и па́па 38
10. На да́чу! 41
11. На да́че 45
12. Мой па́па и Алёша 48
13. Очень ма́ленькая глава́ 52
14. Ещё одна́ ма́ленькая глава́ 53
15. Домо́й 54
16. До свида́ния, па́па! 57
17. Па́пы не́ту 59
18. Я ви́жу па́пу 61
19. Обра́тно домо́й 67
20. В кино́ 71
21. Про отцо́в и про нас 74
22. Дво́йка 77
23. Два письма́ 80
24. До свида́ния, дя́дя Али́ 84
25. На кры́ше 87
26. Бетхо́вен! Бах! Мо́царт! 92
27. Олимпиа́да Васи́льевна и ма́ма 95
28. Я встреча́ю дя́дю Го́шу 99
29. Карнава́л 102
30. 1 января́ 108
31. После́дняя глава́ (Че́рез пять лет) 110

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Д Л Я Н А Ч А Л Ь Н О Й Ш К О Л Ы

Голявкин Виктор Владимирович

МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

Повесть

Ответственный редактор *М. И. Сальникова*. Художественный редактор *В. Г. Ежков*. Технический редактор *Т. В. Перцева*. Корректоры *Л. М. Короткина* и *З. С. Ульянова*. Сдано в набор 25/I 1967 г. Подписано к печати 18/III 1967 г. Формат 60×84 1/16. 7 печ. л.=6,53 усл. печ. л. (3,81 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 592. Цена 23 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 94. Заказ № 120.

Цена 23 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»